

ARTHOUSE

18+

ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

В КИНО
С 10 НОЯБРЯ

КАРИН ТЮИЛЬ

РОМАН

ФИЛЬМ ИВАНА АТТАЛЯ

ШАРЛОТТА ГЕНСБУР, БЕН АТТАЛЬ, СЮЗАНН ЖУАННЕ, МАТЬЁ КАССОВИЦ,
ПЬЕР АРДИТИ, ОДРИ ДАНА, БЕНЖАМЕН ЛАВЕРН, ЖЮДИТ ШЕМЛА

Карин Тюиль
Дела человеческие

«Corpus (АСТ)»

2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(Фра)-44

Тюиль К.

Дела человеческие / К. Тюиль — «Corpus (АСТ)», 2019

ISBN 978-5-17-121537-8

Французская романистка Карин Тюиль, выпустившая более десяти успешных книг, стала по-настоящему знаменитой с выходом в 2019 году романа «Дела человеческие», в центре которого громкий судебный процесс об изнасиловании и «серой зоне» согласия. На наших глазах расстается блестящая парижская пара – популярный телеведущий, любимец публики Жан Фарель и его жена Клер, известная журналистка, отстаивающая права женщин. Надлом происходит и в другой семье: лицейский преподаватель Адам Визман теряет голову от любви к Клер, отвечающей ему взаимностью. Их дети, едва достигшие совершеннолетия, выбиты из колеи и пускаются во все тяжкие. Страсти накаляются, предвещая беду. Карин Тюиль выстраивает сюжет с бальзаковским размахом: беспощадный механизм судебной машины, интриги в мире телевидения, взлеты и падения медийных карьер, любовь и измены – и все это в разгар феминистского движения #MeToo, набравшего силу после обвинений американского кинопродюсера Харви Вайнштейна в сексуальных домогательствах. Этот захватывающий и необычный роман удостоен премии «Интералье» и Гонкуровской премии лицеистов. Режиссер Иван Атталь снимает по книге одноименный фильм с участием Шарлотты Генсбур и Матье Кассовица.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(Фра)-44

ISBN 978-5-17-121537-8

© Тюиль К., 2019
© Corpus (АСТ), 2019

Содержание

Отклонение	7
1	8
2	13
3	20
4	24
5	28
6	30
7	33
8	36
9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Карин Тюиль

Дела человеческие

© Karine Tuil et Éditions Gallimard, 2019

© Éditions musicales Djanik Стр. 139. Il faut savoir. Paroles et musique de Charles Aznavour

© Е. Тарусина, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

* * *

Памяти моего отца

Что тебе больше нравится? Полуавтоматический пистолет? Помповое ружье? Смотри, вот, например, «Беретта 92». Она очень проста в обращении. Или возьми «Глок 17» четвертого поколения, девятый калибр, рукоятка удобная, в ладони лежит надежно, нужно только крепче ее держать, большой палец кладешь вот сюда, подушечкой слегка упираешься в спусковой крючок, и не забудь: стрелять нужно с вытянутой руки, чтобы ствол был ее продолжением, подготовку к выстрелу довести до автоматизма, чтобы оставалось только зарядить обойму, а как только она встанет на место, просто навести оружие на цель, и когда она окажется на прицеле, нажать на курок, и пуля полетит куда надо. Ну что, может, попробуешь? Видишь вон ту психу? Давай, пристрели ее.

Отклонение

Тот, кто хочет узнать о человеке всю правду, должен впитать его боль.

Жорж Бернанос

Радость

1

Самая яркая вспышка, взрывная волна, сметающая все на своем пути, – секс, да-да, он самый, и хватит уже делать из этого тайну. Клер Фарель поняла это, когда ей было девять лет и у нее на глазах их семья развалилась из-за того, что мать испытывала неудержимое влечение к профессору медицины, случайно встреченному ею на каком-то конгрессе; Клер поняла это, за годы работы неоднократно наблюдая, как известные люди в один миг теряют то, что создавали всю жизнь: высокое положение, репутацию, семью – социальные конструкты, надежность которых обеспечивалась долготлетним упорным трудом, уступками-недомолвками-посулами – тремя столпами прочного брака; она видела блестящих представителей политической элиты, скомпрометированных надолго, а то и навсегда из-за короткого приключения, мимолетной прихоти, властного зова плоти: «Сейчас же, немедленно!»; она и сама могла бы оказаться в центре одного из самых громких скандалов в истории Соединенных Штатов: ей тогда было двадцать три года, и она проходила стажировку в Белом доме одновременно с Моникой Левински – той, что прославилась на весь мир, сломав карьеру президента Билла Клинтона, а Клер лишь потому не попала на место этой сладострастной брюнетки, которую президент называл «девчушкой», что не соответствовала канонам красоты, принятым тогда в Овальном кабинете: худошавая блондинка среднего роста с длинными, гладко зачесанными назад волосами, вечно в брючных костюмах мужского покроя, была совершенно не в его вкусе.

Клер часто задавала себе вопрос, что было бы, если бы президент выбрал ее, полуфранцуженку, полуамериканку, с головой на плечах, впечатлительную, предпочитавшую познавать жизнь по книгам, а не одарил своим вниманием Моника, упитанную брюнетку с плотоядной улыбкой, юную еврейскую принцессу, выросшую в богатых районах Brentwood и Беверли-Хиллз. Наверное, она поддалась бы неодолимому очарованию власти, влюбилась бы, как наивная девочка, и тогда спецпрокурор Кеннет Старр устраивал бы подробный допрос именно ей, Клер, загнанной в угол и вынужденной повторять слово в слово одну и ту же историю, послужившую пищей для кухонных сплетен во всех уголках мира и основой для доклада в четырехста семьдесят пять страниц, который поверг в трепет американскую правящую верхушку и ее приближенных и вызвал спонтанную нервную реакцию у ошеломленной публики, в порыве негодования призывавшей к войне за нравственность; и тогда она вряд ли стала бы известной французской интеллектуалкой и не смогла бы спустя десять лет, встретившись с этим самым Биллом Клинтонем за ужином в честь выхода в свет его мемуаров, задать ему вопрос в лоб: «Мистер Клинтон, почему вы согласились пройти унижительную процедуру раскаяния и защищали жену и дочь, не проявив ни малейшего сочувствия к Монике Левински, чья личная жизнь была разрушена раз и навсегда?» Он небрежно махнул рукой, словно отменяя вопрос Клер, и с нарочитой непринужденностью поинтересовался: «А вы, собственно, кто?» Он ее не вспомнил, что было, в общем-то, нормально, ведь их пути пересекались почти двадцать лет назад, и хотя он конечно же сталкивался в коридорах Белого дома с этой привлекательной девушкой с рыжеватыми, как у венецианки, волосами, словно сошедшей с картин прерафаэлитов, он ни разу с ней не заговорил: *какой смысл президенту заговаривать с какой-то стажеркой, если он не собирает ее трахнуть?*

С тех пор как в 1995 году блестящие успехи в учебе и многочисленные рекомендации позволили им троим переступить порог Белого дома, прошел двадцать один год. Первая, Моника Левински, в возрасте двадцати пяти лет пронеслась словно метеорит по просторам мировой медиagalaktiki благодаря единственному величайшему свершению – оральному сексу, сопровождаемому эротической игрой с использованием сигары. Вторая, самая юная из трех, Хума

Абедин, девушка с индо-пакистанскими корнями, родители которой основали Институт проблем мусульманских меньшинств, была приписана к штату сотрудников Хилари Клинтон и менее чем за десять лет стала ее ближайшей помощницей. На свадьбе своей протеже с видным деятелем демократической партии Энтони Винером первая леди даже произнесла такие слова, свидетельствующие об искренней привязанности к девушке: «Если бы у меня была вторая дочь, это была бы Хума». Хилари поддержала ее год спустя, когда молодой супруг по неосторожности выложил в твиттер свои фотографии в недвусмысленных позах – голый по пояс, в трусах, под которыми отчетливо вырисовывался напряженный член. Она не оставила Хуму и тогда, когда ветреный муженек снова оплошал – стал обмениваться эротическими эсэмэсками с несовершеннолетней, причем как раз в тот момент, когда он добивался выдвижения своей кандидатуры от демократов в мэрию Нью-Йорка! Когда его считали одним из самых перспективных молодых политиков! Даже став кандидатом в президенты от демократической партии, Хилари Клинтон не рассталась с Хумой Абедин, несмотря на предупреждения тех, кто намекал на ее политическую токсичность и требовал отослать куда подальше. Добро пожаловать в Клуб Обманутых, но Достойных Жен, великих жриц американского *poker face*¹: улыбайтесь, вас снимают.

Из этих трех стажерок Белого дома только одна избежала скандала. Клер Дэвис-Фарель, дочь Дэна Дэвиса, профессора права в Гарварде, и Мари Кулье, переводчицы с английского на французский. Семейная легенда гласила, что ее родители встретились около Сорбонны, несколько месяцев поддерживали отношения на расстоянии, поженились в Соединенных Штатах, в пригороде Вашингтона, и жили-поживали там спокойной, размеренной жизнью: Мари распростилась со своими мечтами о свободе и самостоятельности, растила дочь и стала той, в кого больше всего на свете боялась превратиться, – домохозяйкой, чья единственная забота – не пропустить прием противозачаточных таблеток; Мари воспринимала материнство как поражение в правах, она была не создана для него, материнский инстинкт в ней так и не проснулся, она чувствовала себя угнетенной, и если бы муж не раздобыл для нее несколько заказов на перевод, она в конце концов под села бы на антидепрессанты, по-прежнему изображала бы лучезарную улыбку и уверяла, что жизнь у нее «просто фантастическая», что она «совершенно счастливая» жена и мать, пока в один прекрасный день ее не нашли бы повесившейся в подвале их особнячка во Френдшип-Хайтс. Вместо этого она снова стала работать, все больше и больше, а спустя девять лет после рождения дочери внезапно влюбилась в английского врача, у которого была переводчицей во время конгресса в Париже. Она бросила мужа и дочь и чуть ли не в одночасье, в состоянии любовного умопомешательства, уехала жить в Лондон с этим едва знакомым мужчиной, но не прошло и восьми месяцев, в течение которых она видела дочь два раза, как он выставил ее за дверь, заявив, что она истеричка и жить с ней невыносимо, тут и сказке конец. Следующие тридцать лет она только и делала, что оправдывалась за свое, как она говорила, заблуждение, заявляла, что стала жертвой «самовлюбленного извращенца». Действительность же была более прозаичной и менее романтической: она испытала страстное сексуальное влечение, но это скоро закончилось.

Клер жила с отцом в США, в Кембридже, до тех пор, пока он не умер от скоротечной формы рака: ей было тогда тринадцать лет. Она переехала к матери во Францию, в маленькую горную деревушку неподалеку от Гренобля, где та поселилась. Мари сотрудничала с несколькими издательствами, была занята неполный день и, надеясь «наверстать потерянное время и исправить свою ошибку», с пугающим рвением взялась за воспитание дочери. Она выучила с ней несколько иностранных языков, занималась литературой и философией, и, вероятно,

¹ Непроницаемого лица (*англ.*).

если бы не она, Клер не стала бы известной эссеисткой, автором шести книг, третья из которых, «Власть женщин», написанная ею в тридцать четыре года, была щедро обласкана критиками. После обучения в Высшей нормальной школе Клер получила работу на философском факультете Колумбийского университета в Нью-Йорке. Там она нашла старых друзей отца, и те помогли ей попасть на стажировку в Белый дом. Тогда, живя в Вашингтоне, на одном званом ужине у общих друзей она и встретила того, кому суждено было стать ее мужем, – знаменитого французского политического журналиста Жана Фареля. Звезда общенационального канала, он был на двадцать семь лет старше ее, только что развелся и находился в зените славы. Помимо большой политической телепрограммы, которую он вел и продюсировал, он брал интервью на радио с 8:00 до 8:20, каждое утро собирая шесть миллионов слушателей. Несколько месяцев спустя Клер распростилась с карьерой в американской администрации, вернулась во Францию и вышла за него замуж. Такой амбициозной девушке, как она в те годы, Фарель с его безжалостным остроумием казался неотразимо обаятельным, а политики, его гости в студии, говорили о нем: «Когда у тебя берет интервью Фарель, ты чувствуешь себя птенцом, угодившим в когти к хищнику». Он открыл ей доступ в такую социальную и интеллектуальную среду, куда она, молодая девушка, не имевшая влиятельных друзей, никогда не попала бы. Он был ее мужем, ее наставником, ее самой надежной опорой; это властное покровительство, отягощенное разницей в возрасте, долгое время держало ее в подчинении, но теперь, когда ей исполнилось сорок три года, она твердо решила выстроить жизнь по собственным правилам. Двадцать лет они ухитрялись поддерживать интеллектуальное согласие и дружеское уважение, свойственное пожилым парам, которым удается свести свои интересы к интересам замкнутого семейного круга, отгороженного прочной стеной от всевозможных потрясений, и уверяли всех, что их связывает самая преданная дружба – цивилизованный способ скрывать, что между ними нет сексуальных отношений. Они часами говорили о философии и политике друг с другом или во время ужинов, которые часто устраивали в своей просторной квартире на авеню Жоржа Мандела, но прочнее всего их связывал Александр, их сын. После учебы в Политехнической школе он поступил в Стэнфордский университет в Калифорнии, куда уехал в сентябре, к началу занятий; в октябре 2015 года, когда его с ними уже не было, Клер неожиданно бросила мужа: «Я встретила одного человека...»

Клер, как и другие, подчинилась сексуальному влечению и его разрушительной силе, сексу и его дикому, властному, неукротимому зову: почти не раздумывая, в *неудержимом порыве* она смела все, что так терпеливо создавала – семью, душевное равновесие, устойчивость и стабильность, – ради своего ровесника, преподавателя французского языка в еврейской школе 93-го департамента, Адама Визмана, три года назад поселившегося с женой и двумя дочками, тринадцатилетней Ноа и восемнадцатилетней Милой, в Павийон-су-Буа, тихой коммуне этого самого департамента Сена-Сен-Дени. Он пригласил Клер на встречу с учениками его выпускного класса, и после беседы, состоявшейся в одной из аудиторий лицея, они отправились посидеть в маленьком кафе в центре городка. Их разговор ограничивался дружелюбным, несколько натянутым обменом любезностями, который, как им казалось, надежно скрывал их желание, а на самом деле выставлял его напоказ; оба чинно сидели на своих местах, соблюдая приличия, хотя с первой же минуты, едва устроившись за столиком в безлюдном бистро, уже знали: они еще увидятся, займутся сексом и попадут в западню. Когда он вез ее домой на своем стареньком, светло-зеленом «фольксвагене-гольф» – вызванное такси так и не приехало, – то сказал, что хотел бы встретиться с ней снова; так за несколько месяцев романа на расстоянии (им удавалось видеться всего один-два раза в месяц, и эмоции достигали такого накала на этих свиданиях, что с каждым следующим все больше укреплялась их безумная уверенность в том, что они «нашли друг друга») сдержанная интеллектуалка, читавшая в Высшей нормальной школе лекции по философии на разные темы, к примеру «Онтологические основания полити-

ческого индивидуализма» или «Обезличенные эмоции воображаемого», превратилась в пылко влюбленную женщину, чьим главным занятием стало сочинять эротические послания, снова и снова погружаться в любовные мечтания и искать подсказки для ответа на единственно важный экзистенциальный вопрос: «Можно ли кардинально изменить свою жизнь после сорока лет?» Она уговаривала себя: «Занимайся делом, а про личную жизнь забудь. В двадцать лет страсть – это нормально, но не когда тебе перевалило за сорок! У тебя сыну двадцать один год, работа, где ты все время на виду, вполне *приемлемая* жизнь. *Насыщенная* жизнь. Ты замужем за человеком, который ни в чем не ограничивает твою свободу, с которым ты заключила негласное соглашение, как Жан-Поль Сартр с Симоной де Бовуар: «любовь необходимая и любовь случайная», иначе говоря, их нерасторжимый союз не исключал сексуальных приключений, которые обогащают знания о мире, – но этой свободой ты, между прочим, до сих пор ни разу не воспользовалась, и не потому, что хранила верность мужу, нет, ты никогда не придерживалась суровых моральных принципов, а скорее из природной склонности к покою. Ты построила свою жизнь, руководствуясь безупречным чувством порядка и благоразумного компромисса. Тебе было труднее, чем мужчинам, добиваться своего места в жизни, но ты наконец его отвоевала и понимаешь, что ты это заслужила; ты раз и навсегда решила принимать себя такой, какая есть, и не примерять на себя роль жертвы. Твой муж часто отсутствует, а когда он с тобой, ты то и дело замечаешь, как вокруг него вертятся все более и более молодые женщины, но ты знаешь, что привязан он к тебе, только к тебе. Она, женщина, которая в каждом публичном выступлении заявляла о своей независимости, в частной жизни подчинялась общепринятым заповедям здравого смысла: «Довольствуйся тем, что имеешь. Не впадай в пагубную зависимость, не поддавайся сексуальному влечению, любовным грезам, всему тому, что в итоге замутняет разум и лишает сил. Что ведет тебя к гибели. Откажись от этого». Она долго не решалась начать процедуру развода, подавленная чувством вины оттого, что бросает мужчину на склоне лет, с которым ее прочно сковывали общие привычки и порожденное ими ощущение надежности, к тому же крепко опутанная незримыми нитями – страхом перед неизвестностью, собственными моральными принципами, изрядной долей конформизма. Они с мужем были одной из самых могущественных, уважаемых в медийном сообществе супружеских пар, но не составляло ни малейшего труда понять, каково соотношение сил в их союзе и кто в нем доминирует. В случае развода друзья и коллеги по цеху в конце концов станут на сторону Жана, человека более влиятельного. Она останется в одиночестве, ее будут сторониться, ее книги будут рецензировать все реже и хвалить все меньше, Жан приложит к этому руку, хоть и не напрямую, ему не придется даже утруждать себя телефонным звонком – система сработает *сама собой*. Она-то знала, как заманчиво использовать медийную власть, как просто, наслушавшись лести, возомнить себя всемогущим, и как трудно – даже отнюдь не слабым людям – этому не поддаться. Точно так все и произошло. Да, однако пятью годами раньше Клер столкнулась с серьезной болезнью: у нее нашли рак груди. А когда она узнала, что излечилась, то решила жить в полную силу, какую дает лишь острое сознание конечности своего бытия. Испытание ее изменило – предсказуемо, ожидаемо, по-настоящему. Отказ от всего сразу? Не совсем так.

«Женщина в твоём возрасте и твоём положении (то есть женщина, *пережившая опасный недуг, а потому крайне уязвимая*) не должна подвергать себя опасности», – по сути, именно это говорила ей мать и с мрачным упорством внушало общество, это подтверждала и классическая литература, возводившая в ранг героинь женщин, несчастных в браке, разрушивших свою жизнь или даже погибших, а то и покончивших с собой на почве любовной страсти, об этом недвусмысленно напоминал и социальный ландшафт, но такая женщина, как она, воспитанная на очень разных книгах, сделавшая независимость и свободу смыслом своего существования и своей работы, женщина, вступившая в схватку со смертью, без труда убедила себя в том, что нет худшего несчастья, чем отказаться жить и любить, и вот однажды утром она

собрала чемоданы и ушла, оставив на столе в гостиной открытку с горным пейзажем, наспех черкнув на обороте пару слов, банальность которых свидетельствовала о крайней срочности и необходимости отъезда, о желании подвести черту, как можно скорее все завершить, разом отсечь острым ножом, заколоть жертвенное животное, не усыпив его, резким точным ударом – как на бойне:

Все кончено.

2

Продержаться – в этом глаголе сконцентрировались все экзистенциальные страхи Жана Фареля: не потерять жену, сохранить здоровье, дожить до глубокой старости, как можно дольше блистать в эфире. В свои семьдесят лет, сорок из которых он не сходил с экрана, он с яростью старого хищника, скрывая воинственный дух под маской невозмутимости, наблюдал за тем, как на телевидение приходят молодые волки. Тело проявляло первые признаки слабости, зато он сохранил железные нервы и острый ум, разивший наповал, так что молодой собеседник, недооценивший его мощь, быстро ощущал полное интеллектуальное бессилие и разом терял спесь. «Это у меня от природы», – заявлял Жан, когда его спрашивали, как ему удается сохранять столь блестящую форму. Каждое утро он занимался с личным тренером, чьими услугами пользовалась также одна из французских эстрадных звезд. За его питанием следил диетолог, на которого молилась вся парижская светская тусовка. Он скрупулезно взвешивал продукты, не позволял себе расслабиться, был постоянным клиентом в двух-трех ресторанах, где собирался цвет столичных медиа. Как он сохраняет стройность? Он поведал прессе: «При малейшей возможности стараюсь не есть». Раз в год он тайком ложился в косметологическую клинику, расположенную в двух шагах от его офиса на улице Понтье в 8-м округе Парижа. Он уже делал липосакцию шеи и живота, пластику век, легкую подтяжку лица, сеансы лазера и инъекции гиалуроновой кислоты – только не ботокса, который сковывает мышцы и придает человеку вид восковой куклы: он хотел выглядеть *естественно*. А еще он проводил три недели в году – одну зимой и две летом – в горах, где под контролем кардиолога и натуропата держал строгий пост, предаваясь радостям альпинизма и совершая лыжные прогулки. После этого его сердце работало как у юноши. Он отказался от плавания и закрыл свой абонемент в бассейне отеля «Ритц», где много лет имел счастье встречать самых очаровательных актрис: мода на нравственность, охватившая политический и медийный мир, требовала повышенной осторожности. Теперь из-за социальных сетей ничего нельзя было скрыть, так что он сделал ставку на сдержанность и осмотрительность.

Каждые три месяца он посещал терапевта и сдавал все анализы. Знал наизусть свои показатели СОЭ, С-реактивного белка, трансаминазы, проверял организм на наличие всех существующих онкомаркеров, особенно с тех пор, как у Клер обнаружили рак груди. «Ты же знаешь, я такой мнительный», – оправдывался он. Он просто хотел продержаться, любой ценой остаться в эфире. В конце весны ему снова предстояло позировать знаменитому фотографу для обложки «Пари Матч»: этот ежегодный ритуал обеспечивал ему известность, восхищение публики и поддержку канала. Как обычно, он предстанет перед зрителями во время занятий спортом – велосипед, пробежка, скандинавская ходьба, – словно желая сказать: смотрите, я по-прежнему крепок и бодр. В этом году он дал согласие участвовать в передаче «Форт Боярд», так что телезрители смогут убедиться в его превосходной физической форме.

Жан Фарель всю жизнь посвятил работе: он называл ее своей страстью. Движущей силой его жизни были политика и журналистика: начав с нуля, без образования, без связей, он карабкался вверх, ступень за ступенью; пришел на *ORTF*² простым стажером, а спустя десять лет стал ведущим информационных выпусков на первом канале. Надолго расстался с телевидением и перешел на крупную государственную радиостанцию, на должность директора вещания, потом вернулся, почти десять лет вел информационную программу на государственном канале, потом утреннюю передачу на радио. Его откровенные беседы с гостями, колкие реплики, взвешен-

² *ORTF* – Управление радиовещания и телевидения Франции (1964–1975). (Здесь и далее – прим. перев.)

ные, изящные, подкрепленные точными цитатами, быстро создали ему репутацию ловкого мастера словесных поединков. Именно в ту пору он задумал «Устный экзамен», телевизионное ток-шоу, где в качестве главного героя выступал какой-нибудь политик, которому задавали вопросы и сам Фарель, и приглашенные им писатели, актеры, деятели культуры – Жан выбирал среди них самых дерзких смутьянов, – и каждая передача превращалась в пятнадцать минут оскорблений, угроз подать в суд за клевету, а назавтра ее подробно обсуждали во всех медиа и социальных сетях. Он долгое время вел эту программу в прямом эфире, но однажды в шестьдесят семь лет, когда он был дома, у него случился небольшой спазм сосудов мозга: несколько секунд он не мог говорить. Это происшествие не имело никаких последствий, и Жану удалось сохранить его в тайне, дабы не испортить себе карьеру, но с тех пор он вынужден был записывать передачу заранее, по официальной версии – чтобы гости чувствовали себя более свободно и комфортно; на самом деле его приводила в ужас мысль о приступе, который может произойти в прямом эфире и положить конец его головокружительному успеху на *YouTube*. У него не было ни малейшего желания ни уходить из эфира, ни отказываться от того, что давало ему силы не бросать свое дело, – от страсти к политике, от адреналина перед объективом телекамеры, от славы и ее преимуществ и, конечно, от власти, от этого ощущения всемогущества, порожденного интересом публики и неизменными знаками почтения, которые все ему оказывали, узнавая при встрече.

Нарциссизм, навязчивое желание оставаться в кадре и блистать мастерством были его допингом. Он и теперь не сходил с экрана, но каждое утро пытался разглядеть в зеркале признаки неминуемого дряхления. А между тем он *не чувствовал* себя старым. Попытки ободрения – ибо он по-прежнему хотел нравиться – теперь сводились к обедам в компании коллег женского пола, предпочтительно моложе сорока, и начинающих писательниц, чьи имена он вылавливал в прессе осенью, в начале очередного литературного сезона, а затем отправлял им восторженные послания: «Ваш первый роман – лучшее произведение новой литературы». Они всегда ему отвечали, и только после этого он в самых смиренных выражениях приглашал их пообедать в ресторан, где было на кого посмотреть и кому себя показать; они соглашались, польщенные возможностью поговорить с зубром медийного мира, у него в запасе имелся миллион забавных историй, он купался в их восторженных взглядах, дальше этого дело не заходило, и все оставались довольны.

Здание телеканала представляло собой гигантский садок, кишачий юными созданиями: журналистками, стажерками, приглашенными гостями, редакторами, ведущими, ассистентками. Иногда он ловил себя на мечтаниях о том, как он начнет жизнь заново с одной из них, сделает ей ребенка. Их было так много, готовых обменять свою молодость на надежность и покровительство. Он мог бы ввести их в мир медиа – и дал бы им фору в десять лет по сравнению с другими, – а сам на несколько лет помолодел бы, всюду показываясь с ними и заряжаясь от них свежей сексуальной энергетикой. Он знал все это отлично, однако ему не хватало цинизма: он не смог бы назвать любовь простой бартер. Кроме того, он никогда не решился бы бросить свою тайную подругу, Франсуазу Мерль, журналистку печатной прессы, получившую в семидесятых премию Альбера Лондра за потрясающий репортаж «Забывтые в Палацио» о жилом комплексе в департаменте Сена-Сен-Дени³. Она начинала как журналистка отдела «Общество» в крупной ежедневной газете. Затем работала репортером, выпускающим редактором, заместителем шеф-редактора и, наконец, шеф-редактором, пока не потерпела поражение на выборах главного редактора. Теперь она числилась редакционным консультантом, и это мутное название уже два года позволяло обходить молчанием большую тему – неофициальное

³ Речь идет о грандиозном жилом комплексе, так называемом «Пространстве Абракасаса», построенном испанскими архитекторами во второй половине 70-х годов. Он состоит из трех корпусов – «Палацио», «Театр» и «Арка».

отстранение от работы, предвещавшее скорое увольнение на пенсию, чего она так боялась, пребывая все эти два года в депрессии и лечась анксиолитиками, чтобы как-то пережить бесцеремонную попытку выставить ее за дверь, хотя она чувствовала себя еще полной сил и на многое способной.

Жан познакомился с Франсуазой Мерль – красивой, образованной, благородной женщиной, которая совсем недавно отметила шестьдесят восьмой день рождения, из-за которой он уже восемнадцать лет вел *двойную жизнь*, – спустя три года после рождения сына Александра, в кулуарах своей ассоциации «Право на успех»: она объединяла его коллег, желавших помочь старшим школьникам из обездоленных слоев общества поступить в учебные заведения, где готовят журналистов. Год за годом он обещал Франсуазе, что *однажды* они будут вместе; бездетная, незамужняя, она тщетно ждала Жана; у него не хватало духу развестись, и не столько из любви к жене – его интерес к Клер уже давно сводился лишь к семейным отношениям, – сколько из желания защитить сына, оградить от невзгод, поддержать его душевное равновесие. Александр с детства опережал сверстников в развитии, стал блестящим юношей, достиг незаурядных спортивных успехов, но в повседневной жизни по-прежнему казался Жану незрелым. Александр только что прилетел в Париж, чтобы присутствовать на церемонии в Елисейском дворце: тем вечером его отцу должны были присвоить звание великого офицера ордена Почетного легиона⁴. С тех пор как Клер объявила о разводе, он виделся с сыном только один раз. Жан заверил Александра, что все поправимо, ведь свое расставание они официально не оформили: он втайне надеялся, что жене быстро наскучат новые отношения и, столкнувшись с отвратительными серыми буднями, она вернется в супружеское гнездо. Поэтому он ничего не сказал Франсуазе: она сумела бы найти аргументы и вынудить его связать себя обязательствами, а этого ему совсем не хотелось. Он любил ее, был глубоко к ней привязан и не смог бы порвать с ней, не сломавшись сам, однако ясно сознавал, что ее время ушло. Ей было почти столько же лет, сколько ему; он не смог бы появляться с ней на публике без ущерба для своего имиджа. Из-за нее в его образе появилась бы новая черта, именуемая старостью. Его жена вызывала уважение и даже восхищение в интеллектуальных кругах, тогда как его самого часто обвиняли в беспринципности и демагогии. Клер была его козырной картой, и он, снимаясь для журналов, без колебаний позировал вместе с семьей, представлял перед публикой преданным мужем, хорошим отцом, который дорожит семейным очагом и уважает труд своей молодой жены, а она ему подыгрывала, прекрасно понимая, какой толчок ее собственной карьере может дать тщательно срежиссированная постановка для прессы. Потом Франсуаза находила эти статьи и в приступе отчаяния рвала страницы драматическим жестом, вполне уместным в их интимном водевиле, заявляя, что не может больше мириться с тем, какое место он ей отводит. «Да пошел ты к черту! – разгорячившись, кричала она. – Тебе не женщина нужна, а мать! Сходи лучше к психиатру!» – и удалялась, хлопнув дверью. Весьма впечатляюще. Такие сцены разыгрывались все чаще и чаще... Мать Жана была запретной темой. Анита Фарель, бывшая проститутка и токсикоманка, родила четверых сыновей от трех разных мужей и растила их в сквоте в 18-м округе Парижа. Однажды, вернувшись днем из школы, девятилетний Жан нашел ее мертвой. Социальная служба отправила братьев в приют. В ту пору Жана еще звали Джоном, а дома – Джонни, в честь Джона Уэйна: мать обожала этого актера и смотрела все фильмы с ним. Их с младшим братом Лео взяла к себе и усыновила семья из парижского пригорода Жантйи. Теперь Лео, шестидесятиоднолетний бывший боксер, был его самым близким доверенным лицом и улаживал все неприятные делишки, которыми Жану при его статусе не следовало заниматься. В их приемной семье жена воспитывала детей, а муж работал спортивным тренером. Они любили братьев как родных сыновей. Джон не получил основательного образования,

⁴ Великий офицер — одно из высших званий ордена Почетного легиона.

но самостоятельно преодолел все ступени карьерной лестницы в ту эпоху, когда честолюбивый самоучка не робкого десятка вполне мог добиться успеха. Когда его взяли работать на радио, он поменял документы, выбрав французский вариант своего имени, более элегантный и более буржуазный – Жан. Он мало говорил о прошлом. Раз в год, на Рождество, он собирал их всех вместе – приемных родителей, Лео и еще двух их братьев, Жильбера и Пауло, которые воспитывались в другой приемной семье, в департаменте Гар, и стали земледельцами, – на этом их общение заканчивалось.

Первый раз Жан неудачно женился в тридцать два года – брак распался спустя несколько лет – на дочери промышленника; второй был расторгнут по желанию супруги. Когда он встретил Клер, она была очень молодой, но гораздо более зрелой, чем ее сверстницы, к тому же она быстро забеременела. Он еще долго упрекал ее в том, что она «без спросу сделала его отцом», но потом поддался тяге к продолжению рода: едва увидев малыша, сразу его полюбил. Он был ослеплен своим сыном, его светлыми, с рыжеватым венецианским оттенком волосами, голубыми глазами, безупречной красотой, – совершенно не похожим на него, черноглазого и темноволосого. Когда он видел Александра, то сразу понимал: он сделал правильный выбор, поставив превыше всего эмоциональную защищенность сына. Тот превзошел все его ожидания. Жан любил при каждом удобном случае сообщать собеседникам, что он, самоучка, вырастил студента Политехнической школы – разве можно получить большее удовлетворение? Сын – его «самая большая в жизни удача», повторял он, и это утверждение в устах человека, достигшего высочайшего профессионального успеха и положившего жизнь на то, чтобы не сходить с экрана, вызывало недоверие. Его считали эгоцентричным, тщеславным, вспыльчивым, агрессивным, неуравновешенным – взять хотя бы его знаменитые вспышки гнева, – но при этом человеком решительным, настоящим бойцом: он работал как зверь и ставил свою карьеру превыше всего. Некоторым утешением ему служило то, что теперь, когда Клер ушла, он мог всецело посвятить себя работе.

Несмотря на вполне приличные рейтинги, он, достигнув определенного возраста, попал в зону турбулентности, и ему пришлось отчаянно цепляться за свое вожаемое кресло, которое могло в любой момент катапультироваться. Он часто оставался ночевать в своем офисе, где устроил себе небольшую квартиру со спальней, гардеробной и кабинетом, даже с маленькой гостиной и кухней. Накануне около десяти вечера к нему туда пришла Франсуаза в сопровождении большой собаки – ласкового и спокойного королевского пуделя, которого Жан подарил ей лет восемь назад и которого они называли Клодом. Сейчас он слышал, как она одевается в соседней комнате, включив на полную громкость радио, транслирующее утреннюю передачу его молодого конкурента – Жан его терпеть не мог. Он крутил педали велотренажера, когда она ворвалась в комнату в темно-синей шелковой ночной рубашке, без макияжа. В этой красивой женщине с коротко подстриженными светлыми волосами и стремительной походкой с первого взгляда можно было угадать необычайно острый ум.

– Мне пора, – сказала она, складывая вещи.

Пес ждал рядом, не отходя от нее ни на шаг.

Летучка начиналась в 7:30, а она всегда приезжала в газету к половине седьмого. Он являлся на ежедневные интервью в эфире только к восьми.

Жан слез с велотренажера, вытер лицо белым полотенцем с вышитыми на нем его инициалами.

– Погоди, я налью тебе кофе.

Он потащил ее в маленькую кухню, собака пошла следом. Она стояла у столика-острова, пока он наливал обжигающий кофе в чашку с изображением Джорджа Буша – шутки ради он собрал целую коллекцию такой посуды.

– Мне правда надо идти, времени в обрез.

– Сядь. Временем нужно уметь пользоваться. У меня тоже сегодня утром интервью.

– Но ты еще вчера к нему подготовился. Я ведь тебя знаю, у тебя все под контролем.

– Посиди еще минутку.

При этих словах он легонько подтолкнул Франсуазу к высокому табурету, сжав в руке ее ладонь.

– В конце концов, ты такая же, как я, – насмешливо произнес он. – У тебя тоже все под контролем.

Он тоже сел, налил себе кофе.

– Я люблю свое дело, – произнесла она. – Журналистика – это часть меня.

– Я тоже ее люблю.

– Но ты не стремишься завоевать уважение коллег. Единственное, что тебя волнует, – это любовь публики. В этом-то и разница между нами.

– Понимаешь, когда тебя видят и любят миллионы, когда ты получаешь столько любви – это колоссальная ответственность.

– Когда тебя читают миллионы людей – это тоже колоссальная ответственность.

– Да, но читатели оценивают прежде всего твою работу. В моем случае все по-другому: они видят меня на экране, я неотъемлемая часть их повседневной картины мира, между нами возникает эмоциональная связь, я в какой-то степени член их семьи.

Он потянулся к ней, коснулся пальцами щеки. Кожа у нее была вялая, расчерченная морщинками; она, конечно, ухаживала за собой, но противилась всеобщей мании омоложения и не подвергала свое лицо переделкам.

– Ты придешь сегодня вечером? Прошу тебя...

Жан попытался погладить ее, но она резко отпрянула:

– Чтобы полюбоваться, как ты будешь под гром аплодисментов получать свою медаль? Тебе давно пора было усвоить, что я равнодушна к побрякушкам.

– Да, ты неподкупная, у тебя чистые руки, – заметил он, потом прибавил: – Если ты не придешь, это потеряет для меня смысл... Мой сын там будет. Он проделал такой далекий путь ради меня.

Франсуаза встала:

– У меня нет ни малейшего желания слушать, как ты поешь дифирамбы своей жене, без которой ты никогда бы всего этого не достиг, и видеть, как на глазах у всей парижской элиты она с волнением принимает из рук президента букет роз.

Это была правда: Клер пообещала ему, что придет, чтобы он не чувствовал себя униженным.

– Мой брак – всего лишь витрина для публики, и ничего больше, тебе это известно.

– И ты ее никогда не разобьешь.

Жан на миг заколебался. Он мог бы сообщить Франсуазе, что Клер его бросила. Что она уже три месяца живет с другим мужчиной, *евреем*. Но тогда пришлось бы признаться ей, что он надеется на возвращение жены.

– Я не хочу причинять боль сыну. Он переживает не самый простой период в жизни и очень уязвим. – Он тоже поднялся из-за стола, подошел к ней и нежно поцеловал. – Я тебя люблю.

Он легонько прижал ее к себе.

– Сегодня после эфира на радио у меня встреча с Балларом, программным директором, – сказал Жан, когда Франсуаза направилась в спальню.

Он пошел следом за ней, и в этой физической потребности быть рядом чувствовалась их глубокая внутренняя связь.

– Все будет хорошо.

– Он пытается выбить почву у меня из-под ног, терпеть меня не может.

Они вместе вошли в спальню, собака трусила за ними по пятам. Жан, присев на край кровати, наблюдал, как Франсуаза изящным движением снимает ночную рубашку, надевает черные брюки и ярко-синий свитер.

– Как такой сложно устроенный человек, как ты, может делить все на черное и белое? Твой мир состоит из тех, кто тебя любит, и тех, кто не любит.

– Если ты не любишь мою программу, значит, не любишь меня, это же очевидно. А наш новый программный директор меня явно не любит. Считает слишком старым – такова горькая правда. Думает: хоть он и старик, а вцепился и держится за эфир мертвой хваткой, пытается все контролировать. Вообрази, какая жестокость!

Она усмехнулась:

– В свете нынешних событий я дала бы жестокости другое определение.

– Ты никогда не принимала всерьез то, что я делаю. А мне становилось все труднее и труднее. Кто нынче мелькает на обложках журналов? Молоденькие смазливые ведущие... Нужно все держать под контролем... Всегда... Этот мир просто ужасен, тебе этого не понять.

Франсуаза недоверчиво сморщилась.

– Нет, вполне понимаю. В какой-то степени журналистика – это умение регулировать давление. Давление тех, кто жалуется на статьи и репортажи, которые их не устраивают, кто, подвергшись малейшей критике, считает себя оболганным, политиков и их подручных с их «телефонным правом», оскорбительных писем читателей, грозящих отказаться от подписки, заартачившихся журналистов, женоненавистников, не желающих работать под началом женщины, а также всех тех, кто рвется занять мое место, – поверь, таких более чем достаточно... Я уж не говорю о жестокости соцсетей... Сегодня приличный журналист должен иметь не меньше двадцати тысяч подписчиков в твиттере, а это значит, что нужно проводить там по меньшей мере полдня; мне лично это кажется пустой тратой времени. В глазах молодежи я воплощение допотопной журналистики, они не читали ни одного из моих репортажей, а сама я для них нечто вроде ископаемого. После пятидесяти женщины становятся невидимками, это правда, и я по этому поводу совсем не горюю.

– Как ты можешь быть такой пессимисткой?

– Я просто реалистка. Однажды ты бросишь меня ради другой женщины, она будет гораздо моложе, и ты на ней женишься.

– Я никогда, никогда тебя не брошу, слышишь?

Она не слушала его, продолжая развивать свою мысль:

– В определенный момент так и должно случиться. И в личной жизни, и в профессиональной нужно уметь уйти.

– С чего это я должен уходить из эфира? – поинтересовался он, по привычке все переводя на себя. – В год кампании по выборам президента? Я никогда еще не был так хорош, как сейчас, так боевит, так свободен.

Она улыбнулась:

– Свободен? Ты уверен? При любых переменах в обществе, при каждом очередных выборах ты изо всех сил стараешься понравиться правительству, пришедшему к власти.

Он поморщился:

– Разве кто-нибудь может похвастать тем, что абсолютно независим? Да, это правда: радио и телевидение зависят от политической власти, и иногда соотношение сил приходит к равновесию посредством сговора... К тому же не тебе читать мне мораль... Кто акционеры твоей газеты? Парочка крупных шишек, близких к президенту...

– И что с того? Они не вмешиваются в содержание наших материалов! Ты что думаешь? Что четыре сотни журналистов, которые работают в редакции, можно заставить ходить на задних лапках?

Он молчал. Она на мгновение отвернулась, потом холодно проговорила:

– В завтрашнем номере моей газеты выйдет интервью твоей жены. Шеф-редактор предложил опубликовать анонс на первой странице, под фотографиями и статьей, посвященной событиям в Кёльне.

Несколькими днями ранее, в ночь с 31 декабря 2015-го на 1 января 2016 года, сотни немцев обратились в полицию с жалобами: они утверждали, что в новогоднюю ночь подверглись сексуальным домогательствам и насилию на центральной площади Кёльна; по предварительным оценкам, число правонарушителей составило полторы тысячи. Некоторых злодеев задержали, в большинстве своем они оказались выходцами из Северной Африки, и эта драматическая новость вызвала залп критики, направленной против политики Ангелы Меркель, ведь именно она позволила въехать в страну неограниченному числу мигрантов, в частности из Сирии. Клер Фарель с ходу отмежевалась от крайне левых представительниц интеллектуальной и политической элиты, выразивших опасение, что общество «скатится до проявлений расизма, вместо того чтобы осудить акты насилия». Бургомистр Кёльна Генриетта Рекер, боясь, что всех без разбора мигрантов будут считать преступниками, и предостерегая от этого соотечественников, все же посоветовала женщинам «держаться на расстоянии от мужчин». Именно эта рекомендация – «держаться на расстоянии от мужчин» – легла в основу выступления Клер. В беседе она сказала, что не хотела бы «жить в обществе, где женщинам, чтобы чувствовать себя спокойно, следует обходить мужчин как можно дальше». Она отметила странный перекос в суждениях некоторых феминисток, которые предпочитают в первую очередь защищать мигрантов, а не пострадавших женщин. Она назвала замалчивание проблемы «преступным». Призвав не валить все в одну кучу, Клер тем не менее заявила, что не собирается закрывать глаза на «предосудительные действия, совершенные этими людьми на территории Германии. Лучше всем помалкивать, иначе крайне правые начнут набирать очки. Какой отвратительный приказ получили эти женщины! «Молчите, ведь если вы заговорите, то сыграете на руку фашистам». Это ошибка, а для феминистского движения – позор. Мы осуждаем преступников не за то, кто они такие, а за то, что они совершили. Женщины, подвергшиеся насилию, должны быть выслушаны и услышаны, а их обидчики, кем бы они ни были, – наказаны».

– Это интервью мне не понравилось, – продолжала Франсуаза, – я его раскритиковала на планерке. Она клеймит иностранцев, в особенности мусульман, не только в Германии, но и у нас во Франции.

– А я и забыл, что влюбился в исламистку левацкого толка, – пошутил Жан.

– Вот только не надо разводить идеологию, по крайней мере не со мной.

Клод принялся лаять и носиться вокруг них.

– Ладно, мне пора идти. Это бесконечный пустой разговор.

– Наоборот, об этом надо говорить и спорить. Мой гость в сегодняшней передаче – министр внутренних дел. Моя команда как раз подготовила репортаж о том, как власти Кёльна стараются замаять дело. Это позволит перейти к разговору о роли ислама в Европе.

– Роль ислама... Тебе еще не надоело пичкать нас этим дежурным блюдом? К тому же приобретешь себе новых друзей. Малейший промах – и канал постарается от тебя избавиться.

– Многие зарятся на мое место.

– Да, я знаю.

– Больше, чем ты можешь себе представить...

– На что еще ты готов, чтобы сохранить свою программу?

Он расхохотался:

– На все.

3

Во время организованной Адамом Визманом литературной конференции в еврейской школе, где он преподавал французский язык, Клер прочла отрывок из своей книги, а затем из эссе Симоны де Бовуар «Второй пол». Адам за полгода отправил ей несколько писем, уговаривая к ним приехать. Он понял, что Клер смущает профессионально ориентированный характер их учебного заведения; он настаивал, аргументируя свою просьбу тем, что хочет познакомить учеников с самыми значительными феминистскими произведениями, в особенности работами Симоны де Бовуар, которым Клер посвятила свою книгу. Перед конференцией Адам велел ученикам ее прочесть, и Клер ответила на все вопросы старшеклассников, а на следующий день его вызвали к начальству: две ученицы сообщили дома, что слова писательницы о месте женщины и роли супружества «прямо противоположны тому, чему учит Тора». Директор сказал, что родители «глубоко потрясены». В особенности их поразило одно высказывание: «Трагедия брака состоит не в том, что он не гарантирует женщине обещанного счастья – счастье невозможно гарантировать, а в том, что он ее калечит – обрекает на однообразие и рутину»⁵. В консервативной еврейской среде брак по-прежнему воспринимался как важнейшее событие, имеющее высокий сакральный смысл; повседневная жизнь семьи регулировалась религиозными предписаниями, роли были четко распределены; большинство родителей проявили широту взглядов, но некоторые принялись осаждать директора, выражая опасение, как бы «эта женщина не оказала дурного влияния на их дочерей». Они написали петицию, и Адам получил предупреждение. Итак, их с Клер отношения начались под недобрым знаком. Они принадлежали к совершенно разным мирам. Адам Визман родился и вырос в 20-м округе Парижа, в одной из тех любящих и заботливых еврейских семей, где родители считали, что главный смысл их существования – дать своим отпрыскам образование и воспитать их, как говорили они с гордостью, сообразно с «еврейскими ценностями». Родители Адама, уроженцы Северной Африки, приехали во Францию в начале шестидесятых, мечтая, что их дети добьются успеха, на который они сами, вынужденные переселенцы, рассчитывать не могли: отец-бухгалтер и мать – сотрудница детской социальной службы, приверженцы традиций иудаизма, дома соблюдали религиозные обычаи, а за его стенами придерживались светских правил. После магистратуры по современной словесности в Сорбонне Адам получил преподавательскую должность в Тулузе и встретил там девушку, спустя полгода ставшую его женой, – Валери Берда, зубного техника-протезиста. Маленькая брюнетка в очках, с зеленовато-кариими глазами и белой кожей, крепенькая, улыбочивая, она стала идеальной партнершей – жизнерадостной, любящей, понимающей. У них родились две дочери, и по настоянию Валери они отдали их в еврейскую школу – ту самую, что спустя несколько лет, 19 марта 2012 года, подверглась нападению радикальных исламистов, когда от рук террористов погибли трое детей и отец одного из учеников. Франция, 2012 год, мужчина запросто заходит в школу, убивает детей только за то, что они евреи, и снимает расправу на экшн-камеру *GoPro*, закрепленную на груди. Окаменевшая от ужаса Франция наблюдала, как под новой личиной возрождается древнее варварство, которое она считала давно изжитым, и безуспешно пыталась разобраться в том, что за жуткий механизм породил этот сдвиг. Адам с женой с того дня перестали пускать девочек в школу, а вскоре, как и многие их соплеменники, потрясенные трагедией, решились на отъезд из Франции. Все их тогдашние разговоры сводились к одному мрачному выводу: отныне евреи в Европе не могут больше закрывать глаза на антисемитизм, ставший смертельно опасным. Они могли бы остаться еще на несколько лет, потянуть время, соблюдая осторожность и делая вид, будто ничего не случилось, но рано или поздно они сами или их дети, устав тер-

⁵ Симона де Бовуар. Второй пол.

петь эту неприемлемую ситуацию во имя общественного спокойствия, были бы вынуждены уехать, чтобы уберечься от опасности и, по логике вещей, из страха перед постепенным исчезновением. «Исчезание» Жоржа Перека было настольной книгой Адама. Он рассказывал Клер, что согласно иудейским представлениям мир был сотворен с помощью букв. Изъятие хотя бы одной буквы из изначального текста Библии может изменить весь его смысл. Адам был убежден, что непростая задача, поставленная перед собой Переком – создать текст, не используя букву *e*⁶, — невольно намекает на возможность исчезновения евреев, а это предчувствие не покидает их никогда. «Жить счастливо, как еврей во Франции» – он хорошо помнил эту старую поговорку, но в марте 2012 года, в тот день, когда в школу, где учились его девочки, пришел террорист, чтобы их убить, Адам решил, что все кончено. Они поспешно отбыли в Израиль и осели в городе Раанане с населением восемьдесят тысяч человек, к северо-востоку от Тель-Авива, где жили многочисленные эмигрантские сообщества, в том числе уроженцы Франции – за три года туда эмигрировали примерно двадцать тысяч французских евреев, – полгода снимали там квартиру, но попытка оказалась неудачной. Адам испытывал глубокую привязанность к этой земле, но внезапно понял, что сможет прижиться здесь только ценой потери себя, а к этому он не был готов. Не был готов выносить агрессивное напряжение, наполнявшее повседневную жизнь этой страны, не был готов жить среди евреев, таких же, как он, поскольку на родине, во Франции, привык к одиночеству, свойственному представителю меньшинства. Ему было не по себе в атмосфере постоянного тесного общения, и хотя всякий раз, путешествуя за границей, Адам удивлялся чувству родства и теплоты, возникавшему при встрече с другим евреем, здесь, в Израиле, он ни с кем так и не сблизился. Его мучило и кое-что еще, о чем он не решался ни с кем говорить, – отсутствие политического сознания у тех, с кем он уехал из Франции примерно одновременно и по одним и тем же причинам: палестино-израильский конфликт превратился в отрицаемую всеми абстрактную реальность, неизбежность, из которой никто не пытался найти выход; каждый заботился только о личном спокойствии и безопасности, ради них смирившись с моральным поражением, хотя гуманистический иудаизм⁷, к которому склонялся Адам, должен был бы от этого уберечь. Итак, признав, что у них ничего не вышло, страдающие и сломленные, они вернулись во Францию. Сразу по возвращении Адам получил должность преподавателя французского языка в еврейской школе. Он жил вместе с семьей в замкнутом мире общины, и его жена постепенно сделалась истово верующей. Начала с того, что сменила имя: не пожелала больше быть Валери и потребовала, чтобы ее звали Сарой. Отвергла брюки и облачилась в длинные, до полу, юбки; вместо облегающих маек с вырезом стала носить просторные свитера с длинными рукавами, заявила Адаму, что не может больше ходить с непокрытой головой, появлялась теперь только в платке и стала строже соблюдать все пищевые запреты, шабат и «законы супружеской чистоты» – жесткие правила, согласно которым женщине возбранялось вступать в половой контакт с мужем с первого по двенадцатый день месячного цикла, после которого ей следовало ночью совершить ритуальное омовение водой из источника, дабы *очиститься*. В эти дни они не спали вместе, жена устраивалась на полу, на разложенном рядом с кроватью матрасе, несмотря на протесты Адама: ему невыносимо было видеть, как жена спит практически на земле, и в один прекрасный день он осознал, что больше не испытывает желания, не смотрит в будущее и все это ему опостылело. Почти двадцать лет он оставался верен этой женщине, она поддерживала его словно капитана корабля, а сама заботилась о воспитании их детей и была одной из тех *достойных* женщин, которых восхваляет иудаизм, и он восхищался ею и каждый вечер накануне субботы пел по ее просьбе гимн «Добродетельная жена», однако когда ему исполнилось сорок два и его уже не

⁶ В русском переводе Валерия Кислова «исчезнувшая» буква – это «о».

⁷ *Гуманистический иудаизм* – возникшее в 1960-х годах движение, которое определяет иудаизм как культурно-исторический опыт еврейского народа и предлагает нетеистический подход к современной жизни, основываясь на идее, что религия – это лишь часть культуры и еврейское самосознание успешно сохраняется в плюралистической среде.

покидало ощущение, что он живет с абсолютно чужим человеком, он встретил Клер, вспыхнул от любви и непреодолимого желания, и его жизнь превратилась в борьбу за то, «чтобы не бросить все и не сбежать».

Неожиданно оказавшись в мощном поле взаимного притяжения, Адам и Клер больше не расставались, хотя в момент встречи ни он, ни она не искали приключений; ни у нее, ни у него не было ни малейшего искушения испытывать на прочность свой брак, оба умело изображали семейное счастье. Их ставили в пример. Как образцы *постоянства*. Необходимое притворство в обществе, где демонстрация мнимого благополучия служит барометром жизненного успеха. Но было и кое-что еще – идентитарный барьер, именуемый Адамом «грузом иудейства»: целый год он мешал ему сделать окончательный выбор и изменить свою жизнь. Спустя два месяца после начала их отношений Адам признался Клер, что не может ничего ей обещать, потому что не готов *разрушить семейный очаг* – очаг *еврейский* со всеми вытекающими из этого определения обязательствами и моральным долгом, религиозными предписаниями и болезненным ощущением исключительности, – не решается покинуть дом, где поселил свою семью, развязать конфликт, за которым последуют развод и невозможность каждый день видеть дочерей. Ему необходимо было чувствовать себя защищенным, а Клер не могла ему это обеспечить. Так что целый год их любовь существовала параллельно с остальной жизнью: если получалось, они проводили день вместе, занимаясь любовью, а когда возвращались каждый к себе домой, всякий раз испытывали одинаковое чувство вины, одинаковое стремление к воздержанию и покою. Адаму приходилось отвечать на напряженные расспросы жены: «У тебя был удачный день? Как дела на работе? Все хорошо?» Но что он мог ей ответить? Что посвятил этот день *оргазму*? Только теперь, перевалив за сорок, он обнаружил, что это слово может таить в себе разрушительное начало. Секс, единственная жизненно необходимая разрядка, чтобы окончательно не поддаться апатии, которая столько лет им владела. До сих пор он воспринимал секс только через призму безмятежного супружества, как приятное занятие, простое и упорядоченное, и со временем понял, что может легко от него отказаться, ибо оно сильно напоминало гигиенические процедуры, не вызывавшие особого желания их повторять, а теперь неожиданно изведаль самые сильные и самые пагубные свойства любовной страсти – неудержимый натиск и смятение, радость и душевный разлад, беспомощность, полное внутреннее опустошение, – и каждый раз, когда он возвращался к семье, утомленный этой связью, требовавшей энергии и силы, он внушал себе, что у него никогда не хватит мужества променять жизнь, фундамент которой он так прилежно строил, на отношения, основанные на тайной переписке преимущественно эротического свойства, не прошедшие проверку реальностью, опытом повседневного совместного существования – словом, *обычной* жизнью. Встречаясь с Клер, Адам видел степень своей несвободы – расплаты за супружескую воздержанность. С Клер он изменил образ мыслей, с ней он наконец придет к согласию с самим собой. Да, но будет изгнан из своей среды. Пария. Нечестивый еврей, покинувший свой очаг. Снедаемый стыдом. К этому он не был готов, а потому месяц за месяцем не решался давать никаких обещаний. Его воспитывали ревностным защитником еврейской избранности. Сколько раз подростком он слышал эти слова? Ты ЕВРЕЙ, а значит, у тебя есть ОБЯЗАННОСТИ, ты частица своего НАРОДА и должен обеспечить его ВЫЖИВАНИЕ.

Такова она и была, история преемственности и выживания его народа во враждебной среде, – история, дополненная недавними событиями. Он перенес новую душевную травму в январе 2015 года, когда произошло нападение на редакцию «Шарли Эбдо», затем на магазин кошерных продуктов у Порт-де-Венсен, где погибли еще и двое полицейских. Три дня после случившегося он не мог работать и сидел дома с женой и дочками, заперев дверь и закрыв ставни. Их семейная трагедия, общая судьба и зыбкое будущее связывали их крепче, чем любовь. В начале их отношений с Клер, когда, открыв для себя секс, Адам не мог уже

думать ни о чем другом, он несколько раз порывался собрать чемодан и уйти, однако ему понадобился целый год, чтобы набраться смелости и объявить жене и детям, что уходит, свыкнуться с мыслью о том, что нужно организовать религиозный развод – жене он понадобится, если она захочет снова устроить свою жизнь, – и в присутствии судьи-даяна отречься от женщины, подарившей ему двух любимых дочерей, поддерживавшей все его профессиональные начинания, неизменно ободрявшей его, когда он терпел неудачи и сомневался в себе, отречься от женщины, пережившей вместе с ним настоящий кошмар, и произнести слова, за которые потом будет всю жизнь корить себя: «Я тебя оставляю, я тебя покидаю, я тебя отвергаю».

Его приводила в ужас мысль о том, чтобы поселить своих дочерей, воспитанных в строгих правилах иудаизма – а младшая и вовсе в религиозном рвении пошла по стопам матери, – под одной крышей с Клер, современной женщиной, получившей светское воспитание, атеисткой, воспринимавшей смешанный брак как проявление свободы выбора и источник блага. Он боялся сделать еще более уязвимой старшую дочь Милу, которой пришлось второй год учиться в выпускном классе и, казалось, не суждено было выйти из внутреннего кризиса, постигшего ее во время теракта трехлетней давности. С тех пор она оставалась легкоранимой, часто ходила к психотерапевту, ее одолевали мрачные мысли и каждую ночь мучили кошмары, которые всегда заканчивались автоматными очередями, и утром она просыпалась вся в слезах; потому что Адам месяц за месяцем склонялся к тому, чтобы оставить все как есть. Клер же стремилась к ясности и определенности в их отношениях, приносивших ей больше страданий, чем ему. Месяц за месяцем они только и делали, что пытались порвать и снова воссоединились, сознавая, что их взаимное притяжение, интеллектуальное и сексуальное, их необыкновенная любовь – это не просто случайный эпизод, такое бывает лишь раз в жизни. В конце концов она оставила его в покое, заставив себя поверить, что все его жалобы, которые она долгое время считала смехотворными, связаны с кризисом среднего возраста, с потребностью в самоутверждении, с внутренним выгоранием, характерным для тех, кому после сорока выпало пережить если не новую любовь, то по меньшей мере сексуальную страсть, прежде чем начнется упадок. А потом как-то утром Адам объявил Клер, что сделал выбор: он разводится.

Перед тем как заговорить о разводе, Адам несколько дней пытался представить себе реакцию жены, когда он сообщит ей, что покидает семейное гнездо, потому что любит другую женщину. Вообразил, как она расплчется, станет бросаться предметами, возможно, оскорблять его, угрожать, что разрушит его жизнь, не позволит видеться с дочерьми, ждал, что она обратится к посредникам, чтобы помирить ее с мужем и образумить его, – к раввину, друзьям, знакомым, родственникам, членам их религиозной общины, но ни на секунду не мог предположить, что она будет его игнорировать. Она не желала разговаривать с ним, смотреть на него, как будто он сделался прозрачным, нечистым; он видел, как она бродит из комнаты в комнату, бросив все свои дела, не выказывая никаких эмоций; она дала ему понять, что он больше для нее не существует; он может размахивать руками, говорить, есть, перемещаться по дому – он для нее умер. На следующий день она сообщила директору школы, где преподавал Адам, что муж бросил ее «ради гойки, с которой долгое время состоял во внебрачной связи». Адама уволили. Он набил вещами чемодан и уехал к Клер, в номер парижского отеля. Спустя несколько дней они сняли меблированную квартиру в 13-м округе и поселились там.

4

Александр не выказал ни малейшего волнения, узнав, что его родители расстались. Мать сообщила ему об этом по телефону осенью 2015-го, а он только поинтересовался в ответ: «У кого я буду жить, когда приеду в Париж?» Она сказала, что у отца, потому что это его дом, а квартира, которую она снимает со своим новым спутником, слишком мала. Александр сердился на мать за то, что она струсила, переехала втихомолку, в его отсутствие, чтобы не пришлось оправдываться, – так он подумал, узнав о расставании родителей по телефону, находясь в нескольких тысячах километров от них, но в первый приезд в Париж, во время каникул на День благодарения, вел себя так, как хотела мать, играя роль чуткого и покладистого сына, притом что сам хотел только одного – послать всех к черту. Александр не решился сказать матери, что он думает об Адаме Визмане и его дочерях, зато поделился этим с отцом, так как чувствовал, что найдет в нем благодарного, жадного слушателя, незаменимого союзника, которому приятно будет узнать, что у нового избранника Клер лысина, а его дочери – «две маленькие закомплексованные еврейки, с которыми совершенно не о чем говорить и которые, перед тем как положить что-нибудь в рот, бормочут молитву». Когда они познакомились, Адам спросил его про учебу и показал фотографии дочек, Ноа и Милы, не дожидаясь, пока они сами появятся в кошерном ресторане, где они договорились встретиться. Мила, тоненькая, среднего роста брюнетка с белоснежной кожей, как рассказывала Александру Клер, три с половиной года назад чудом уцелела во время теракта в своей школе и с тех пор не могла избавиться от болезненного страха и тревожного расстройства; ей явно стоило немалого труда совладать с собой. У младшей, Ноа, были рыжевато-каштановые волосы, она носила длинную просторную одежду, скрывающую фигуру. Обменявшись несколькими фразами, они поняли, что у них нет ничего общего. Вот и все. В этот приезд Александр не планировал с ними встречаться и предпочел остаться у отца, в квартире на авеню Жоржа Манделя, где расположился в полном одиночестве, так как Жан ночевал на работе. У Александра всегда были своеобразные отношения с родителями: искренняя привязанность с примесью недоверия. Он знал, что они им восхищаются, но они никогда – или почти никогда – не проявляли к нему нежности: у них в доме не принято было обниматься и целоваться. Теперь он прочно стоял на ногах и готовился к собеседованию в компании *Google*, где намеревался получить работу: много званных, а мало избранных⁸, и ему надо быть среди них.

Высокий результат – жизнь Александра давно уже сводилась к этой формуле. Он был первым в дошкольном классе, и в дальнейшем учителя выделяли его из остальных; в три года он умел читать, писать и считать. Он окончил знаменитый парижский лицей, где каждый год получал награды, был принят на самые престижные подготовительные курсы и в девятнадцать лет поступил в Политехническую школу с третьим результатом на экзаменах, а венцом его безупречной студенческой карьеры стал Стэнфорд, второе высшее учебное заведение в мировом рейтинге: там, в Калифорнии, он и жил последние полгода; годовое обучение, конечно, обошлось в шестьдесят тысяч евро, зато он получал самое лучшее образование. Так выглядела светлая его сторона, видимая всем. А с темной, никому не видимой стороны он был впечатлительным, замкнутым, стеснительным ребенком. Когда Александр учился на подготовительных курсах, его не покидало ощущение, что впереди – непреодолимые трудности и полный провал, а спустя несколько недель после поступления в Политехническую школу у него случился приступ депрессии. Он возненавидел занятия по военной подготовке, обязательные в первый месяц учебы, проклинал жесткие ограничения, непривычную грубость, суровую дисциплину,

⁸ Мф. 22:14.

диктаторские правила и тренировки, происходившие каждый день в лагере Ла Куртин, под командованием старшекурсников, мерзких типов, которых он презирал. Ему пришлось забыть об умственном труде, к которому он привык за два года интенсивной учебы на курсах, и стать просто подвижным телом, напряженным, измученным постоянными нагрузками, и к концу третьей недели он совершил попытку самоубийства. Попал в больницу в состоянии крайнего нервного истощения, зато вышел оттуда, четко сознавая, что об этом никто не должен узнать, с репутацией не шутят – работодатели уже разыскивали через *LinkedIn* будущих успешных предпринимателей. В это время родители постоянно были рядом и окружали его заботой, порой чрезмерной. Менее чем за два года трое студентов Высших школ⁹ покончили с собой. Неуверенность в будущем, чрезмерное давление – самоубийство стало одним из величайших табу в престижных учебных заведениях, готовивших элиту нации, все здесь было устроено таким образом, чтобы исключить подобные попытки. К примеру, в аналогичных американских учебных заведениях специально держали белых польских овчарок, необычайно ласковых и дружелюбных, чтобы студенты получали от них *любовь и утешение*.

После месяца, проведенного в военных лагерях, Александр поехал на полугодовую стажировку в интернат на юге Франции, куда государство отправляло учиться способных подростков из неблагополучных семей. Александр проходил с ними интенсивный курс математики. Он нарочно выбрал эту стажировку, ибо не сомневался, что его интерес к социальной работе будет высоко оценен будущими нанимателями, особенно в Соединенных Штатах: там по-прежнему приветствовалось всяческое поощрение мультикультурности; на самом деле его мало волновали проблемы равноправия и многообразия культур, его вселенная ограничивалась несколькими округами Парижа и двумя регионами Франции, но вопреки ожиданию ему настолько понравился этот эксперимент, что он даже сохранил контакты нескольких учеников, с которыми тогда занимался. В прошлый свой приезд во Францию он встречался с ними, помогал довести до совершенства их резюме и написать сопроводительные письма к пакетам с документами для поступления в известные международные университеты. Многим абитуриентам приходилось платить за такие услуги или обращаться за помощью к родителям. А остальным что делать? Тем, чьи родители бедны или недостаточно образованны? Резюме – это вся твоя жизнь. Александр поддерживал свое резюме в такой же безупречной форме, как спортсмены – свое тело. А теперь упражнялся, готовясь к устным собеседованиям на английском языке, на котором стал свободно говорить еще подростком: языковая практика с трех лет, занятия с преподавателем, регулярные поездки в Англию и США, в летние лагеря в Оксфорде и Гарварде по шесть тысяч долларов за две недели – нужно отлично знать английский, а лучше сразу несколько иностранных языков, если хочешь сделать карьеру за границей. Он скачал стандартный вопросник на свой компьютер и включил первый вопрос:

– Как вы считаете, какие у вас недостатки? – прозвучал голос робота.

Александр, не задумываясь, ответил на безупречном английском, ровно и непринужденно:

– Думаю, хорошо зная свои недостатки, можно превратить их в достоинства. Я человек беспокойный, мне все время хочется забежать вперед и все предусмотреть, но в предпринимательской деятельности это скорее козырь.

Следующий вопрос:

– Как бы вас описали ваши знакомые?

– Вероятно, они сказали бы, что я перфекционист, даже слишком. Надеюсь, отметили бы, что во мне очень сильно чувство коллективизма, я предан друзьям и на меня можно положиться в любых обстоятельствах. Думаю, они также сказали бы, что я честолюбив и гибок,

⁹ *Высшие школы* – самые известные и престижные высшие учебные заведения Франции, куда можно поступить только по результатам конкурсных экзаменов и, как правило, после учебы на специальных подготовительных курсах.

умею приспособливаться к возникающей ситуации, что для меня важны этические принципы. В бизнесе нередко приходится сталкиваться с предприятиями, цели и род деятельности которых имеют мало общего с моралью, и для меня неприемлема работа в подобных фирмах, поскольку, как и большинство студентов, с кем вместе мне довелось в этом году учиться в Стэнфорде, я хочу обрести смысл жизни и нести в мир позитивные ценности.

– Каковы главные черты характера выдающегося лидера?

– Выдающийся лидер должен управлять командой, оказывать доверие своим подчиненным, опираясь на личные качества каждого, в частности, делегировать им определенные полномочия, оценивать их по достоинству, побуждая принимать активное участие в жизни предприятия.

– Вы когда-нибудь в жизни подвергались опасности?

Никакая особенная опасность ему никогда не угрожала. Он просто учился, и все. Впрочем, он вспомнил об одном своем спортивном достижении: в пятнадцать лет он вместе с родителями, дядей Лео и проводником совершал восхождение на Эгюий-дю-Миди в Западных Альпах. Рассказал об этом и добавил, что спорт – одно из самых больших увлечений в его жизни, например, бег по пересеченной местности, особенно в горах.

– Как вы провели два предыдущих лета?

– Я читал интенсивный курс математики для учеников из социально неблагополучных слоев, также участвовал в трейл-марафоне *Mandela Day*¹⁰ в Имбали, в Южной Африке.

– Свидетелем какого исторического события вы хотели бы быть?

– Не знаю, можно ли считать это историческим событием, но я с удовольствием оказался бы в том автобусе, где первого декабря тысяча девятьсот пятьдесят пятого года Роза Паркс отказалась уступить место белому пассажиру. Год спустя Верховный суд Соединенных Штатов признал антиконституционными сегрегационные правила проезда в автобусах: Роза Паркс тогда боролась за это бок о бок с Мартином Лютером Кингом.

– Каким достижением вы больше всего гордитесь?

– Я больше всего горжусь тем, что благодаря моей матери был воспитан в духе феминизма. Я абсолютно убежден в том, что мужчины и женщины равны. Мне нередко приходилось замечать, как моя мать страдает от несправедливого к ней отношения, слышать сексистские комментарии в ее адрес, она откровенно рассказывала нам о том, что некоторые собратья по профессии пренебрежительно отзываются о ее работе; это причиняло ей боль, но она боролась, не желая играть роль жертвы, а потому я особенно горжусь тем, что за лето прочитал антологию великих произведений феминистской литературы двадцатого века.

Он замер. Сам себе показался слащавым, поверхностным, многословным. Тем более что терпеть не мог сентиментальность. Он перешел к следующему вопросу.

– Расскажите о вашей самой большой неудаче.

Все соискатели боялись этого вопроса. Нужно было показать себя человеком способным, обладающим интуицией, везучим, нацеленным на успех, но в то же время подчеркнуть свое умение подниматься после падения. Тот, кто уверяет, будто никогда не терпел неудач, кажется подозрительным, однако никому не хочется выставлять себя жалким лузером.

– Когда мне было восемнадцать, я написал сборник рассказов. Мне всегда нравилось писать, я с самого детства много читаю. Я отправил свое сочинение в три десятка издательств, строго анонимно, чтобы на это никак не повлияла моя мать, известная писательница. Хотел, чтобы оценивали только мои тексты. И получил только отрицательные отзывы. Вот тут я и ощутил полный провал. Три года спустя я написал отдельный рассказ и как следует поработал над ним, послал на конкурс, организованный одним студенческим журналом, и занял второе место.

¹⁰ Международный день Нельсона Манделы (англ.).

Он слишком много говорит о матери. Сложится впечатление, что он подвержен влиянию, несамостоятелен, что он маменькин сынок. Телефон завибрировал, на его адрес на *LinkedIn* пришло письмо, и он сразу же его открыл:

Привет, Александр. Меня зовут Кевин, я координатор банка спермы в Калифорнии, работаю с донорами. Пишу тебе, потому что прочел в твоём профиле, что ты студент Стэнфордского университета, поэтому мы считаем, что ты идеальный кандидат. Если тебе или кому-то из твоих товарищей это интересно, вы можете узнать все детали, технические, финансовые и юридические, пройдя по этой ссылке.

Он кликнул на ссылку: пять тысяч долларов в месяц за несколько капель его спермы – идея не лишена привлекательности. Он открыл профили, заказчики могли выбрать донора, его внешность, социальное положение, этническую принадлежность, вероисповедание, образовательный уровень. Ирония судьбы: люди готовы заплатить целое состояние, чтобы он стал отцом их ребенка, в то время как женщина, которую он любит, полгода назад сделала аборт. Весной 2015 года, когда он на третьем году обучения проходил стажировку в аппарате министерства экономики, у него завязался роман с молодой советницей министра, тридцатичетырехлетней Яминой Вассер. Она окончила Институт политических наук и Национальную школу администрации, ее семья принадлежала к финансовой элите – тунисской по линии матери и французской по линии отца. Она с самого начала ничего ему не обещала, тем более что была старше его, собиралась делать политическую карьеру, а потому ей следовало оставаться безупречной, так что это было невысказано. У них случился бурный роман, который закончился трагически: она обнаружила, что беременна. Избавилась от ребенка и бросила Александра.

Он открыл список тех, кто в последнее время просматривал его страничку в *LinkedIn*, и среди других увидел имя «Адам Визман». Когда Адам попросился к нему в друзья, Александр отклонил запрос. Если бы Адам работал в одной из тех организаций, куда стремился попасть Александр, наверное, он заставил бы себя добавить его в друзья, но чем ему мог быть полезен безработный преподаватель? Ничем. Он спит с его матерью, но это еще не значит, что он близкий человек. Он закрыл страничку и перешел к очередному вопросу: «Каким было ваше самое серьезное испытание?» В ответ Александр мог только солгать, потому что сказать правду – признаться, что он пытался покончить с собой, – значило отныне и навсегда выбыть из игры. Осмелился бы он поведать о том, как, узнав о болезни матери, впал в оцепенение от одного только предположения, что может ее потерять? Нет, ему не следует говорить о матери, тем более что он не смог бы без содрогания произнести слово «рак». Он часто перечитывал слова Стива Джобса из выступления перед студентами Стэнфорда в июне 2005 года, десять лет назад, когда он уже знал, что у него рак: «Смерть, наверное, самое лучшее изобретение Жизни. Она причина перемен. Она убирает старое, чтобы освободить дорогу новому. Сейчас новое – это вы, но в один не такой уж далекий день вы постепенно превратитесь в старое, и вас уберут [...] Время ваше ограничено, так не растрачивайте его на то, чтобы жить чужой жизнью». Это, пожалуй, единственный урок, который он извлек из всех пережитых испытаний: все может рухнуть в любой момент.

5

С тех пор как Клер заболела, она каждый год проходила контрольное обследование – делала анализ крови, рентген, УЗИ, – и всегда это был крайне напряженный момент, вынуждавший ее прибегать к транквилизаторам; химические снадобья помогали ей отчасти усмирить страх перед до той минутой, когда она протягивала руку и медсестра брала у нее кровь, или когда, пропустив все положенные сроки, она наконец решалась войти в кабинет врача и сделать маммографию. Почти каждый день Клер боролась с приступами паники, возникавшими всякий раз, как ее посещала мысль о возможном рецидиве. Когда у нее обнаружили рак, ей было тридцать восемь. Ее прооперировали – удалили комок опухоли, предварительно определив его злокачественную природу, и вместе с ней сегмент груди, – потом, спустя несколько месяцев, прооперировали второй раз, чтобы восстановить вырезанную часть. Она прошла радио- и химиотерапию. На протяжении всего курса лечения она всегда держала при себе книгу Сьюзен Сонтаг «Болезнь как метафора», которую знаменитая американка написала после того, как перенесла рак груди: «Болезнь – сумеречная сторона жизни, тягостное гражданство. Каждый из родившихся имеет два паспорта – в царстве здоровых и царстве больных. Пусть мы и предпочитаем использовать первый, но рано или поздно каждый из нас, хоть на недолгий срок, вынужден причислить себя к гражданам этой другой страны»¹¹. Клер перечитала эссе сразу после того, как сообщила Жану, что сходила на обследование, пересилив навязчивый, иррациональный страх перед болезнью. Всякий раз, как она об этом заговаривала, он резко менял тему, как будто одно лишь упоминание о раке могло оказать воздействие на его тело – тело *здорового* человека, – нанести ему ущерб. Адаму она сказала, что идет на необходимый медицинский осмотр, не уточняя какой: она пока находилась в той фазе любовного гипноза, когда запрещено марать чистую страсть печальными рассуждениями. Не успела она переступить порог клиники, как он отправил ей два сообщения, где напоминал, что думает о ней и любит ее.

Клер опоздала к назначенному часу и с преувеличенным раскаянием извинилась перед секретаршей, поскольку здесь соотношение сил менялось не в ее пользу: она чувствовала себя зависимой, переставала быть раскрепощенной, свободной, уверенной в себе женщиной и превращалась в пациентку – безвольную, испуганную, покорно ожидающую экзекуции. Она села в приемной, полистала журнал. Темноволосая женщина лет пятидесяти назвала ее имя и велела следовать за ней. Клер плотно прикрыла за собой дверь в маленькую комнатку, сняла свитер, потом лифчик: у нее было крепкое тело, сформированное ежедневными тренировками, которые она не пропускала ради удовольствия слышать от Адама, когда он видел ее обнаженной: «Ты такая красивая, ты так возбуждаешь меня», – потом вошла в рентгеновский кабинет. Положила на холодную металлическую подставку свою грудь, словно труп зверька, с которого заживо содрали шкуру. Рентгенолог плотно прижала Клер к аппарату: «Будет немного больно, нужно сдавить». Клер стало очень больно. Словно расплющили не только грудь, а все ее существо; никогда она так остро не осознавала свою уязвимость, как во время этих медицинских осмотров, когда ощущала себя во власти незнакомых людей, слепого случая. Рентгенолог вышла, чтобы сделать снимок. Клер услышала: «Не дышите!» – задержала дыхание и стала считать до десяти. «Дышите!» Женщина вошла, поправила в аппарате грудь Клер и попросила поднять руку. Мышцу Клер пронзила судорога. «Вдохните спокойно, вы слишком напряжены. Прямо как деревяшка. Мне нужно, чтобы вы расслабились», – приказала она, разминая руку Клер, умиравшей от страха. Страх перед неотвратимой жестокостью – ее никак не миновать,

¹¹ Перевод М. Дадяна, А. Соколинской.

не усмирить, не улестить. Этот страх сметает все внутри, оставляя после себя пустыню, преддверие небытия. Она промолчит, стоически перенесет все неприятные ощущения. Исследование продолжалось несколько минут, потом Клер оделась и вернулась в приемную. Секретарь сказала, что врач скоро примет ее и сообщит результаты.

Она ждала больше двадцати минут, время от времени обмениваясь сообщениями с Адамом. Потом встала и спросила у секретарши: «Так долго – это значит, что все плохо?» Секретарша ответила, что нужно немного потерпеть, и настоятельно попросила вернуться на место. Клер была в смятении, и так повторялось каждый раз. К ней вышел врач, мужчина лет пятидесяти с роскошной седеющей шевелюрой, обладатель пятизвездочного рейтинга в *Google*, и знаком пригласил следовать за ним. Она вошла в маленькую комнатку, снова сняла свитер и бюстгальтер и легла на стол. Врач смазал ее груди прозрачной вязкой жидкостью, заскользил по ним головкой датчика и, не отрываясь от экрана, поинтересовался, пишет ли она сейчас. Она отвечала уклончиво, чувствуя, как каждый ее мускул сжимается от тревоги: да, она приступила к новому эссе. «Предыдущая ваша книга мне очень понравилась», – заметил доктор. Она беззвучно поблагодарила его. Едва сдержалась, чтобы не расплакаться.

– Слышал вас вчера по радио, когда говорили об изнасилованиях в Кельне. Вы правы, нельзя мириться с тем, чтобы люди, приезжающие в нашу страну, навязывали нам свою культуру и свою религию, унижающую женщин. Эти типы, которые насилуют европейских женщин и считают это нормой, – просто мерзкие скоты. Вытворяют что хотят, оставаясь безнаказанными, а все их стараются оправдать, чтобы не быть обвиненными в расизме.

– Я такого не говорила, вы неправильно меня поняли. Я дала интервью, завтра оно появится в газете.

Ее ответ прозвучал довольно сухо. Публикация интервью вызывала у нее опасения. Ее реплики могли исказить, обкорнать, неверно истолковать; она боялась, что статья может оказать нежелательное воздействие на общественное мнение. Она не отводила взгляда от экрана, воображая, будто сумеет высмотреть опухоль в светившейся на нем белесоватой массе. Врач то и дело прижимал датчик к коже вокруг сосков, потом долго, целую вечность водил им по груди, прежде чем объявить ей, что все в норме. Она наконец смогла вздохнуть. Поблагодарила его, вышла из кабинета и включила телефон: от Адама пришло несколько сообщений, он спрашивал, как у нее дела. Пришло и две эсэмэски от Жана:

Не забудь о сегодняшней церемонии в Елисейском дворце. Я на тебя рассчитываю!

Если мне (еще) позволено, то попрошу: надень платье от Армани, которое я тебе подарил.

Она хотела было написать: «Да пошел ты!» Но документы о разводе пока не были оформлены, и она написала:

Приду, не волнуйся.

6

Всякий раз, когда Жан Фарель входил в здание телевизионного комплекса, грандиозное сооружение из стекла, возвышавшееся над Парижем, он чувствовал, как внутри у него возникает некое излучение, и не то чтобы само это место вызывало у него эйфорию – скорее знаки уважения, коими он мог наслаждаться, едва преодолев рамки безопасности: всеобщая почтительность с явным оттенком раболепства напоминала о его значимости. Да, он обладал властью и вот уже столько лет пользовался ею, как мог. Он постепенно установил некое равновесие, соблюдая два правила: «Все контролировать, ничего не пускать на самотек», и при этом заявлял публично: «Я никогда не пытался управлять своей жизнью, моя карьера – дело случая».

В тот день Фарель приехал на работу к двенадцати тридцати: у него была назначена встреча с Франсисом Балларом, новым программным директором. Секретарша попросила его подождать. В коридоре он встретил Патрика Лавалье, бывшего ведущего, звезду восьмидесятых. Тот отчаянно пытался вернуться в эфир. Фарелю не раз приходилось наблюдать, как закрывались программы, а их ведущие сразу же теряли свое положение. Он сталкивался с ними, когда они приходили плакаться к программному директору, предлагали ему «гениальные идеи» и, подкрепляя свои речи письмами, доказывали, что телезрители требуют их возвращения в эфир. Фарель попытался избежать встречи с Лавалье – не хотел, чтобы их видели вместе. Но Патрик направился напрямик к нему и протянул ему потную руку. Спросил Жана, есть ли он в осенней сетке, и, не дожидаясь ответа, сообщил, что у него самого есть два проекта программ, которые «взорвут прайм-тайм». Он притащился сюда, чтобы поговорить о них с Балларом. Фарель поздравил его, потом достал мобильный телефон, чтобы прочитать сообщения: Клер подтверждала, что придет на церемонию в Елисейский дворец.

– Я с удовольствием пообедал бы с тобой через недельку-другую, как в старые добрые времена, – пробормотал Лавалье довольно невнятно, и Фарель понял, что тот волнуется и, скорее всего, злоупотребляет транквилизаторами.

Пятнадцать лет назад они были близкими друзьями, и у них сложилась привычка обедать вместе каждую первую пятницу месяца.

– Надо будет поискать свободное место в расписании, – ледяным тоном ответил Фарель, набирая сообщение сыну:

Не забудь прийти на мое награждение сегодня в 18.00.

– Договоримся прямо сейчас? Как поступим?

– У меня с собой нет ежедневника. Моя секретарша с тобой свяжется.

Дверь в кабинет Баллара внезапно распахнулась. Фарель поднялся и убрал телефон в карман пиджака:

– *До скорого.*

Он шагнул навстречу Баллару, плотному мужчине лет под сорок, которого с трудом принимал всерьез, отчасти потому, что тот напоминал потешного мистера Бина, сыгранного в одноименном сериале актером Роуэном Аткинсоном. Фарель пожал Баллару руку и вошел в кабинет.

– Вы встретили Лавалье? – спросил Баллар.

– К несчастью, да.

– Готов на все, лишь бы вернуться в эфир. Не знаю, как от него отделаться. Караулит меня, проходу не дает.

Однажды, подумал Фарель, он будет так же говорить и обо мне.

– Так низко пасть, – продолжал Баллар, – это печально. Когда-то был звездой телеэкрана, а отныне всего лишь *has-been*¹². Он красит волосы, чтобы выглядеть моложе, оттенок отдает фиолетовым, но никто не решается ему об этом сказать. Перед тем как прийти сюда, всякий раз посещает солярий – это так трогательно... Вы заметили, как он потолстел? Наверное, от транквилизаторов, от них полнеют, вы знаете?

– Не знаю. Я их не принимаю, – произнес Фарель с расстановкой, чтобы подчеркнуть свое презрение.

– Вам повезло.

Баллар пробежал взглядом по семейным фотографиям, которыми был заставлен весь его стол, и, вдохновившись, добавил:

– Надеюсь, у него есть семья. Это ведь самое главное, правда? Без крепкой семьи в этой профессии не выжить.

Фарель кивнул. Не мог же он напомнить Баллару о его развивавшемся у всех на виду романе с молоденькой двадцатичетырехлетней ведущей; заняв пост программного директора, он немедленно отдал ей одну из самых важных передач, выходящих в прайм-тайм.

– Как поживают ваши жена и сын? – не отставал Баллар.

Это было невыносимо. Что у него за мания – упорно расспрашивать о семье, притом что в данный момент их единственная цель – удержаться на посту, каждый на своем. Едва получив назначение, Баллар уже был под огнем критики.

– Прекрасно! Александр учится в Стэнфорде, но сейчас он в Париже, приехал на несколько дней. Клер пишет новую книгу.

– Должно быть, они предмет вашей гордости, ведь вы сами не получили такого образования...

Фарель улыбнулся, едва сдерживаясь, чтобы не съездить ему по морде.

– Жан, не стану ходить вокруг да около: интерес к вашей программе снизился.

– Показатели именно такие, какие и должны быть в начале года... Поставим репортаж об актах насилия в Кельне, и аудитория подрастет.

Баллар, казалось, его не слушал. Он с похотливым видом строчил сообщение, держа в руке телефон. Затем плавно опустил его на стол.

– В самом скором времени придется подумать о закрытии «Экзамена», ведь этой передаче уже почти тридцать лет, мы нуждаемся в обновлении, люди хотят перемен, чего-то нового.

Фарелю захотелось заткнуть этот фонтан красноречия, перекрыть поток красивых слов. Он обнаружил, что они испытывают друг к другу откровенную неприязнь.

– Вы хотите отстранить меня, потому что мне много лет, ведь так?

– При чем здесь...

– Вы хотите уволить меня из-за того, что я слишком стар, несмотря на то что публика меня обожает? Если бы вы знали, сколько писем со словами любви и поддержки я получаю каждый день...

– Я знаю, Жан, что зрители вас любят. Я не вас хочу убрать из эфира, а закрыть вашу передачу. Нужно менять контент.

Как у него это получается – все упрощать: выражения, слова... Фарель сторал от желания поставить его на место, унижить.

– Не принимайте это на свой счет. Нужно быть во *flow*¹³, вот и все.

– Зачем отказываться от передачи, которая нравится?

– Чтобы совершить *turnover*¹⁴.

¹² Бывший, вышедший в тираж (англ.).

¹³ В струе (англ.).

¹⁴ Обновление (англ.).

Это его пристрастие к англицизмам! А ведь недавно по настоятельному требованию Высшего совета по аудиовизуальным СМИ он посвятил целый телевизионный день защите французского языка.

– Знаете, я видел не одного программногo директора, они уходили и приходили, а я по-прежнему здесь...

Указав пальцем на номер крупной ежедневной газеты, Баллар возразил:

– Теперь уже ненадолго. Эта статья изрядно вам навредит, а заодно и нашему каналу. Вы не умеете выбирать друзей, Жан, – насмешливо заметил он.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Я говорю о материале на странице двадцать два. Вот, возьмите, только что из типографии, – добавил он, протягивая Фарелю газету. – В конце концов, вполне логично, что никто не удосужился дать вам это прочесть. Когда тебя называет куском дерьма человек, которого ты любишь, – это не очень приятно.

Он произнес эти слова с улыбкой. Фарель побледнел. Он почувствовал, как неистово заколотилось сердце. Эта статья в газете Франсуазы должна была появиться только через две недели.

– Прочитайте, и поговорим обо всем после передачи. У нас в гостях министр.

– Я не смогу надолго задержаться, мне нужно быть в Елисейском дворце.

– Ах да! Вас же сегодня будут награждать.

– Я делаю это ради канала. Сам я не особо люблю почести, вы же знаете, но в моем лице власти отметят заслуги нашего канала.

– В вас силен корпоративный дух, это хорошо. Разумеется, я тоже там буду, такое нельзя пропустить.

Фарель внимательно посмотрел на Баллара, внезапно осознав его значимость. Он хотел, чтобы Баллар пришел на церемонию, хотел, чтобы тот услышал похвалы, которые будет раточать ему президент республики в присутствии высшего руководства канала.

– Вы станете командором ордена Почетного легиона?

– Великим офицером.

– Еще один шаг – и получите Большой крест?

Губы Фареля растянулись в притворно смущенной улыбке.

– А значит, вас наверняка похоронят в Доме инвалидов.

Фарелю захотелось вцепить ему пощечину. Он криво улыбнулся и молча вышел из кабинета. В глубине коридора он заметил массивную фигуру Лавалье; его фиолетовые волосы флуоресцировали под неоновыми лампами. Его провожали к выходу два охранника.

7

Допустимо ли считать испытанием печальный конец любовной истории? Может, всякая любовь – это иллюзия? Любовь и правда делает счастливым? Любить – это разумно? Любовь – игра случая? Когда мы любим, кого мы любим на самом деле? Можно ли прожить без любви? Есть ли жизнь после любви? Как быстро восстановиться после расставания с любимым человеком? Александр помнил, как Ясмينا Вассер положила конец их отношениям. На следующий день после аборта она резко перестала отвечать на его сообщения и удалила из друзей во всех соцсетях. Один его приятель объяснил, что речь идет о новом поведенческом феномене, именуемом *ghosting* от английского слова *ghost* – призрак, привидение. Человек, которого ты любил, вдруг молча исчезает. Это крайне жесткая форма разрыва, вас в несколько кликов буквально вымарывают из своей жизни. Александр настаивал, требовал, чтобы она объяснила причину своей внезапной холодности, – все было безуспешно до тех пор, пока ему не удалось с ней увидеться. Не имея возможности от него скрыться, она произнесла слова, которые он запомнил навсегда: «То, что было между нами, вряд ли совместимо с моей нынешней должностью». Ее только что назначили главой аппарата министра экономики. Она не хотела ставить под удар свою карьеру ради мужчины моложе ее, нигде пока не работающего, неспособного дать ей никаких гарантий, кроме обещания безрассудно любить ее в течение какого-то времени, продолжительность которого никто из них двоих не взялся бы предсказать, правда, оба знали, что продлится это недолго. После их расставания он несколько раз отправлял ей сообщения, умоляя о встрече, но она не отвечала. До вчерашнего дня. Полгода о ней не было ни слуху ни духу, а тут вдруг она прислала ему эсэмэску с предложением «переговорить по телефону». Если он и возмечтал о возобновлении отношений, то быстро разочаровался: когда он ей позвонил, она была крайне холодна и бесстрашна, попросила вернуть ее личные вещи – *кашемировые* свитер и шарф – и удалить все сообщения, которые они посылали друг другу, когда встречались; она не дала никаких конкретных объяснений своей просьбе, кроме неопределенных слов о том, что «кто угодно ради забавы может воспользоваться их перепиской». Александр гадал, отчего она вдруг сделалась такой осмотрительной, причину он узнал позже.

– Ты удалила свой аккаунт в телеграме?

– Теперь уже да. Но когда мы были вместе, я вела себя неосторожно. Ты сохранил эти сообщения?

– Да.

– Будь добр, удали их, пожалуйста.

– Нет. Это мое сентиментальное наследие, и я им дорожу. Порой я их перечитываю.

– Перестань...

– Читаю их и ласкаю себя...

– Прошу тебя, давай обойдемся без шуток.

Он согласился, но с одним условием: он хочет ее видеть. Она сама сотрет их сообщения, а у него нет ни малейшего желания это делать, и рука не поднимется – *слишком больно*. Она согласилась и назначила ему встречу в три часа дня в баре отеля «Гранз’Ом», рядом с Пантеоном.

Он снова мысленно вернулся к вопроснику, составленному американскими кадровыми агентствами. Самым большим испытанием был этот разрыв. Ему понадобилось несколько месяцев, чтобы хоть немного прийти в себя; он страдал до сих пор. Когда Ясмينا бросила его, жизнь превратилась в пытку, как будто – поведал он своему психотерапевту, которого посещал после попытки суицида, – «кровь сочится из всех пор моей кожи». Полгода его моральное состояние было нестабильным, он переходил от полного отчаяния к внешнему спокойствию.

Александр вышел из отцовской квартиры, доехал на метро до станции «Кардинал Лемуан» и, нацепив наушники, направился к площади Пантеона. В перепонки бил жесткий ритм рэпа – композиция *Violent* Тупака:

This time the truth's gettin'told, heard enough lies
(Самое время сказать правду, довольно лжи)

I told em fight back, attack on society
(Я им сказал: надо дать отпор, нанести удар обществу)

If this is violence, then violent's what I gotta be
(И если это жестокость, пусть я буду жестоким)

Когда он не слушал музыку, он мог часами прокручивать один за другим подкасты американских университетов на самые разные темы: «Как воплотить демократию в реальную жизнь», «Чего хотят алгоритмы» или, например, «Борхес и память». Он вошел в отель «Гранз'Ом», где ему назначила свидание Ясмينا. Она уже была там – брюнетка с персиковой кожей, среднего роста, очень стройная, со стрижкой каре, в темно-синей хлопковой юбке, белой блузке и иссиня-черном бархатном жакете; от нее веяло уверенностью и спокойствием. Он уселся рядом, даже не поцеловав ее, достал телефон и швырнул его на стол. К ним подошел официант, и Александр заказал «Апероль-шприц» – он обожал его за веселый оранжевый цвет. Когда они остались одни, он схватил телефон и открыл сообщения:

– Вот. Поступай как хочешь.

Она взяла телефон, стала стирать одно сообщение за другим. Она делала это добросовестно, усердно и сосредоточенно, как преступник, уничтожающий следы своего злодеяния.

– Знаешь, а ведь ты можешь все это удалить одним кликом! – заявил он, вырвав телефон у нее из рук.

Он громко продекламировал:

– «Я тебя хочу, просто ужасно».

– Удали это.

– «Я тебя люблю. Ты сводишь меня с ума».

– Удали, я тебе говорю!

– Ага, а это уже от тебя: «Ты самый нежный, самый ласковый мужчина, моя любовь. Как же я тебя люблю!»

– Хватит играть, прошу тебя, удали сообщение!

Она потянулась к нему, чтобы отобрать телефон, но он продолжал читать, не понижая голоса:

– А вот это от меня: «Я тебя хочу, войду в тебя поглубже, чтоб ты кончила. Я сделаю тебе больно...»

Эти слова вне территории любви звучали смешно и непристойно.

– погоди, вот еще: «Ты сучка, но я в тебя (сильно) влюблен».

– Сотри все, или мы никогда больше не увидимся.

Однако он спрятал телефон и произнес властным тоном:

– В другой раз. Так что тебе придется снова встретиться со мной.

Она ничего не ответила. Официант поставил перед ними напитки и удалился. Александр наклонился к Ясмине, обнял за талию, попытался поцеловать, но она его оттолкнула:

– Прекрати!

Он не отставал:

– Я люблю тебя, хочу тебя, мне тебя не хватает.

– Все кончено.

– Нет. Однажды мы снова будем вместе, я знаю.

Рука его тем временем скользнула у нее между ног, коснулась шелковистой ткани белья.

– Я же сказала, прекрати!

Он убрал руку, стиснул ее ладонь и положил на ширинку джинсов:

– Видишь, что ты со мной делаешь!

Она отодвинулась, украдкой огляделась вокруг, чтобы удостовериться, что никто на них не смотрит. Зал был пуст.

– Хочу заняться с тобой любовью. Прямо сейчас. Подожди, я сейчас сниму номер.

– Нет.

Она помолчала и добавила:

– Я встретила одного человека...

Он замер, его рот скривился.

– Ты врешь.

Она отвела взгляд:

– Это правда.

– За что ты со мной так? Злишься, что я не уговорил тебя оставить ребенка?

– Не желаю больше об этом говорить... Все в прошлом.

– Если бы ты не забыла принять таблетку, этого бы не произошло.

– Значит, это моя вина, да?

С этими словами она заплатила по счету, поднялась, но он удержал ее, схватив за руку, и заставил снова сесть.

– Нельзя переписать нашу историю заново. А ребенок... у нас с тобой еще будет ребенок.

– Я же тебе сказала: все кончено.

– Ты не хочешь ребенка через пару лет?

– Не от тебя.

Он не сумел скрыть боль:

– Значит, твой новый мужик тебе его сделает?

– У моего нового мужика, как ты его изячно назвал, слишком много важных обязанностей, чтобы думать о детях.

Все правильно, она хочет удалить все компрометирующие сообщения, чтобы обезопасить своего нового любовника, вероятнее всего политика или промышленного магната из списка CAC 40¹⁵.

– К тому же он не хочет детей, – добавила она. – Они у него уже есть.

– У тебя осталось не так уж много времени, чтобы родить ребенка. Ты не думала заморозить свои яйцеклетки?

Ясмина не шелохнулась. Она уже столько раз слышала эти оскорбительные разговоры, эти требования произвести на свет младенца. Она встала, снова строго потребовала удалить их переписку и никогда больше не искать встреч с ней. Он порылся в кармане, вытащил телефон, набрал что-то на клавиатуре, вывел на экран какое-то фото и переслал ей.

– Лови, это ссылка на американский сайт, предлагающий доноров с большим потенциалом: незаурядный IQ, высокий социальный профиль, – они связались со мной, хотят меня пополучить, говорят, что я идеальный биологический отец. Посмотри, здесь так и указано: «Превосходный выбор», так что я подпишусь на них, и ты легко меня найдешь; если передумаешь, всегда сможешь купить мою сперму в интернете.

¹⁵ CAC 40 – фондовый индекс Франции, вычисляется на основе капитализации акций сорока крупнейших компаний страны.

8

Упорядоченное желание, сексуальные отношения по расписанию и совместная жизнь, о которой они так мечтали, к которой стремились, – кто из них двоих мог бы сказать, что именно таким он и представлял себе их новое существование, после того как они преодолеют все проблемы, вызванные решением о разводе? На пике их страсти Клер мечтала, как они сольются воедино, и вся их жизнь будет посвящена этой непостижимой сексуальной близости, ведь Адам потерял работу, он все время находился рядом с ней, безумно влюбленный, они всегда были в распоряжении друг друга, и это еще больше их связывало, отгораживало от мира, и они охотно это принимали: отказывались от приглашений, отдалялись от друзей, равнодушные к их упрёкам, – они хотели быть вместе, и больше ничего. Поэтому, когда спустя несколько недель после развода бывшая жена Адама сообщила ему, что собирается вместе с девочками переехать в Бруклин и поселиться в ультрарелигиозном еврейском квартале в районе Краун-Хайтс, Адам несколько не возражал. В глубине души он хотел быть уверен, что она далеко и не представляет для него угрозы; это устраивало и Клер, которой не улыбалось две недели в месяц круглые сутки делить кров с дочерьми Адама, в то время как о собственном сыне она могла уже не заботиться. Впервые в жизни они перестали существовать для своих семей; было нечто крайне эгоистичное в этом любовном отшельничестве, несовместимом с их внутренними ценностями, со всем, что они собой представляли – верные супруги, заботливые родители, – и несмотря на то, что в минуты особенно острых угрызений совести они называли все происходящее предательством самих себя, это было для них самое счастливое время. В первые недели они, хотя и скучали по детям, иступленно наслаждались покоем, порой по несколько дней не выходили из квартиры, занимались любовью, понимая, что с ними обоими происходит нечто необыкновенное, невиданно мощное, и удивлялись своей удаче: ведь их окружали только тихие семейные пары, чей совместный удел – сексуальная неудовлетворенность, или холостяки, разочарованные короткими фальшивыми интрижками, или разведенные, испытывающие отвращение к супружеской жизни и способные часами рассказывать о своих неприятностях.

Но этот период эйфории продлился недолго. Однажды утром к ним заявила старшая дочь Адама, Мила, с чемоданом – ей опостылела жизнь в Нью-Йорке, в религиозной общине, к которой отныне принадлежала ее мать, и неусыпный контроль за тем, как она одевается, как ходит и думает: «Она заставляет меня носить длинные юбки, и чем дальше, тем длиннее, а еще – черные чулки, независимо от погоды». Она рассказала, что магазины в том квартале, где они живут, торгуют только товарами, соответствующими иудейскому закону. Даже в магазинах игрушек продаются в основном кухонные наборы для девочек и молитвенные наборы для мальчиков. На нее постоянно давили, и она стала задыхаться. В один прекрасный день мать заявила Миле, что, поскольку ей исполнилось восемнадцать, настало время вступить в брак, и собралась пойти к раввину, чтобы тот подобрал мужа для дочери. Мила решила вернуться во Францию, она достигла совершеннолетия и готовилась сдавать экзамены на степень бакалавра; разумеется, Адам заверил дочь, что она может поселиться у них. Большую часть дня она проводила в квартире, смотрела американские сериалы и старые фильмы. Клер с трудом переносила постоянное присутствие девушки, чувствуя исходящую от нее враждебность, реальную или воображаемую; она терпела ее, не стараясь с ней сблизиться, прекрасно понимая, что если даже им суждено жить под одной крышей, любить Милу она не обязана.

9

Выйдя из кабинета Баллара, Фарель не мог думать ни о чем, кроме статьи, которая появилась в газете раньше условленного срока, но его никто не поставил в известность. До записи программы оставалось два часа, и его команда отчаянно пыталась скрыть от него убийственную публикацию. В рабочих помещениях гремел голос Фареля, оравшего на свою ближайшую помощницу Жаклин Фо, рыжеволосую женщину лет шестидесяти, любительницу марафонского бега, резкую и суровую, с жестким лицом и мускулистым телом, закаленным ежедневными часовыми тренировками.

– Как ты могла скрыть это от меня? – вопил Фарель. – Это непрофессионально!

Две недели назад он согласился на встречу с журналистом ежедневного издания, в котором работала Франсуаза, и на фотосессию. Жаклин предупредила Фареля, что лучше ему не читать это перед записью программы, но он ее не послушал. Быстро просмотрел и коротко подытожил: «Бредятина!» – затем велел оставить его одного. Закрывшись в своем кабинете, он позвонил автору материала, долго с ним говорил и напоследок грубо его обругал. Немного помедлил, поднялся, отворил дверь и позвал Жаклин. Та благоговейно слушала его, вытянувшись в струнку, в полной боевой готовности.

– Я уверен, за этим стоит Баллар! С тех пор как он стал программным директором, он жаждет моей гибели... Нанес удар именно в тот день, когда записывается первая программа года, в день, когда я принимаю министра внутренних дел, в день, когда я должен стать великим офицером ордена Почетного легиона! Разве я смогу работать, прочитав этот грязный пасквиль? Ты видела фотографию? Снимок в профиль, яркий свет бьет прямо в лицо, морщин больше, чем есть на самом деле, кажется, будто мне лет сто, не меньше. А как написано! Пристрастно, многословно, со злорадством... сплошь просторечные словечки и непристойности... И только вскользь о моей гражданской позиции, о страсти к чтению. А вот шутка о Франсуа Миттеране – наоборот, в начале, на самом видном месте: «Миттеран был задет, когда я ему заметил, что его должность способствует успеху у женщин», – кавычки закрываются. И как я при этом выгляжу? Заголовок задает тон всей статье: «Грустный экзамен» – прямо над этой жуткой фотографией, где на заднем плане маячит тень моего брата Лео. «Это ведь монтаж, так?» Целых пять строк про мою «анорексию» – откуда они взяли, что я питаюсь только зернами? – про то, что я предпочитаю рубашки от Шарве, провожу отпуск на Кап-Ферре, на виллах крупных сановников, про мой «сомнительный» юмор, про мои сделки с политиками – это ведь тянет на разжигание ненависти... Еще пять строк про то, что журналист элегантно именует моим «социальным отрицанием» и связывает с «жаждой реванша», упоминая «отца, рабочего металлургического завода, алкоголика, погибшего при невыясненных обстоятельствах, которого он почти не знал и о котором отказывается говорить наверняка потому, что его стыдится». И вот он уже цитирует Бурдьё и Фрейда, перечисляет людей, желавших избежать социального детерминизма, говорит о смерти моей матери и, заходясь от восторга перед своими аналитическими способностями, заявляет: «Налицо связь между утратой матери и болезненной склонностью к нарциссизму» – к этому моменту от меня уже и мокрого места не осталось, но погоди, сейчас будет продолжение... Самое сладкое напоследок, эдакий контрольный выстрел: «Джонни Фарель – пример того, что можно быть профессионалом высочайшего уровня и любимцем публики и одновременно – куском дерьма». Знаешь, кто произнес эти слова? Это не один из моих соперников, хотя их бог знает сколько, замучишься считать, и даже не моя первая жена, хотя она вполне могла такое сказать, она на это способна, в особенности после судебных процессов, которые она вела против меня, нет, процитировали не ее, эта фраза принадлежит человеку, чье имя и контакты я сам продиктовал журналисту. Сам вложил ему в руки оружие, чтобы он убил меня! Поверить невозможно! Этот двадцатипятилетний писака

спрашивает меня – не сомневайся, этому недоноску я своими руками попорчу карьеру, будет в лучшем случае о раздавленных собаках писать, – так вот, этот ноль без палочки спрашивает меня, не могу ли я дать ему номер телефона человека из моего окружения, из ближнего круга, кого-то из друзей, и я, конечно, мог назвать тебя – и почему только я не назвал тебя?.. Мы работаем вместе тридцать пять лет... Я не назвал тебя только потому, что ты могла ему сказать, что я грубый, властный, пошутить по этому поводу, я достаточно хорошо тебя знаю: ты всегда была склонна к провокации, это сильнее тебя, так что ты понимаешь, почему я тебя не назвал... Точный портрет – вот чего я ждал, без вони, без грязи, с возрастом я стремлюсь к респектабельности, хотя бы видимой, делаю все ради репутации, я, рожденный на задворках общества. Я надеялся, что будет упомянут мой профессионализм, любовь к работе, предполагал, что получу пару уколов, пару царапин, но никак не клеймо раскаленным железом, не обвинительный акт неслыханной жестокости, не попытку свести счеты – уверен, так оно и есть, – после чего все начнут думать, будто я интриган, блюдолиз, развратный тип, бездарный ведущий, чья карьера клонится к закату – вот незадача! – а в довершение всего меня упрекают в том, что я какое-то время был членом ультраправой организации «Запад», а мне тогда было всего семнадцать, черт их возьми! Тогда все с ними якшались, кто больше, кто меньше, но это еще не делает из меня антисемита или расиста! Я ошельмован, повержен, сражен, меня линчуют, втаптывают в грязь, но я и предположить не мог, что мои друзья способны учинить мне гражданскую казнь, и когда этот маленький щелкопер просит назвать ему имя, я не раздумывая говорю: «Позвоните моему лучшему другу Мишелю Дюроку», – это вылетело у меня само собой. Ты ведь помнишь Мишеля, это мой друг детства, мы вместе ходили в школу, он работает гинекологом в Обервилье... надежный, достойный доверия человек с высокими моральными принципами, необычайно преданный друг, никогда не грешивший вспышками гнева или недостойным поведением, образец справедливости... Он небоглатливый, сдержанный, скромный, терпеть не может быть на виду, но тем не менее именно он с уверенностью заявляет совершенно незнакомому журналисту: «Джонни Фарель – пример того, что можно быть профессионалом высочайшего уровня и любимцем публики и одновременно – куском дерьма». Он ведь не сказал «мой друг» или «Жан», а нарочно вспомнил это имя, которое я ненавижу, и меня давно никто так не называет, он открестился от меня, вступил в сговор с этим журналистом, неведомо какими хитростями вытянувшим из него эти слова, как-то на него надавив; чувствуется рука Баллара, он готов на все, лишь бы выгнать меня, он жаждет моей крови, короче, сказав «Позвоните Мишелю Дюроку», я и не представлял себе, что он произнесет такие слова, а между тем он их действительно произнес, уверяю тебя! У журналиста есть запись, он прислал мне фрагмент после того, как я ему, негодяю, позвонил, пригрозил, что подам на него жалобу, понимаешь, я ему ору: «Вы все извратили, преувеличили, неточно записали», – а он мне отвечает, что просто делал свою работу, что он *серьезный* журналист; но это еще не самое ужасное: ты видела заключение? Из-за репортажа о положении женщин в некоторых районах, вышедшего в моей программе, мне, как ты знаешь, угрожают расправой радикальные исламисты, так вот, журналист под занавес спрашивает у Мишеля, что он думает об этих угрозах, и тот отвечает – в точности как написано, – отвечает – я раз двадцать прослушал запись – мой друг, которому я помогал, оказывал поддержку в трудный момент, ты ведь помнишь, что жена бросила его как ненужный хлам, – короче, он отвечает: «Да пусть грохнут его, и дело с концом». И после этого я должен сохранять спокойствие? Это невозможно! Хочу подать жалобу за клевету на газету, мне уже пришел миллион сообщений с выражением сочувствия. Хочу организовать контратаку на нашем канале, публикацию в том же ежедневнике с изложением моей точки зрения – просто справедливости ради. Надо будет подготовить текст опровержения...

Жаклин кивнула. Посмотрела на него, словно говоря: «Я всем займусь», и он немного остыл. Закрылся в кабинете, набрал в грудь побольше воздуха, сделал несколько неглубоких выдохов, но ни одно из упражнений для «снятия стресса на основе осознанности», коим обу-

чила его Франсуаза, не смогло его успокоить. Материал появился в *ее* газете. Как Франсуаза это допустила? Он набрал ее номер. Не дожидаясь, пока он что-нибудь скажет, она сдавленным голосом принялась твердить, что ей очень жаль:

– Я ждала твоего звонка, извини, что так получилось, мне не дали посмотреть эту статью, я увидела ее только сегодня, как и ты, они изменили план номера, не поставив меня в известность, я знала, что не нужно настаивать на публикации твоего профиля, это привело к противоположному результату, я ведь тебе говорила.

– Слушать ничего не хочу! Ты предала меня, Франсуаза, понимаешь? Ты меня предала!

– Я не знала, клянусь тебе!

– А это еще хуже. Ты что, уже не работаешь в этой газете? С тобой считаются не больше, чем с какой-нибудь стажеркой? Так ты хотя бы можно трахнуть!

Она смолкла, как будто кто-то внезапно выключил звук. Он тут же пожалел о сказанном. Помолчал секунду-другую, потом произнес более мягким тоном:

– Извини, мне не следовало этого говорить. Я с тобой так груб, потому что сам на пределе, понимаешь? Получается, в этой профессии никому нельзя доверять.

Никакого ответа, слышно было только, что Франсуаза плачет.

– Извини, извини меня...

– Ты беспощаден, Жан, так беспощаден...

– Я не беспощаден, я профессионал, живущий в мире дилетантов.

Она прервала связь. Он пообещал себе, что не станет ей перезванивать, позвал Жаклин и приказал: «Соедини меня с Мишелем Дюроком». Даже с самыми близкими старинными друзьями Фарель всегда связывался через секретаршу. Со временем у некоторых из них накопились обиды, и они перестали с ним общаться. Дюрок был недоступен. Жану сообщили, что министр внутренних дел прошел в гримерную. Он обхватил голову руками и отчаянно пнул мусорную корзину, закатив ее под стол:

– Да пошли вы все!..

Злость. Гнев. Ярость. Досада. Подавленность. Он думал: им неизвестно, кто ты такой. Они полагают, что ты просто популярный ведущий политической телепередачи, вынюхивающий сенсации. Они презирают тебя. Они тебя не знают и знать не хотят. В общем, «нацепили тебе рожу», как говорил Витольд Гомбрович. Фарель глубоко вздохнул, пригладил ладонями волосы и посмотрелся в зеркало: цвет лица у него стал почти землистым. Он несколько раз надавил кончиками пальцев на щеки, чтобы усилилось кровообращение, и кожа порозовела. Когда почувствовал, что успокоился, отправился в гримерную, где ждал его сегодняшний гость. Обычно он ничего не обсуждал с приглашенными до начала записи, чтобы не создавалось впечатления, будто они заранее обо всем договорились, потому что на экране это хорошо заметно, но сегодня сделал исключение: с этим человеком они были знакомы с первых шагов его карьеры, а искренние отношения завязываются только тогда, когда политик еще не пришел к власти. Жан находил подающих надежды молодых людей, приглашал их вместе пообедать или высказать свое мнение в его ток-шоу, придавал им уверенности в себе, подчеркивал их достоинства, выводил на медийную сцену – рано или поздно эти политики будут ему обязаны. Едва их назначали на высокую должность или избирали, начиналась другая история, они отворачивались от него или давали понять, что отныне ему придется общаться с их пресс-службой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.